ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 18 (3047) Вторник, 10 февраля 1953 г. Цена 40 коп.

Рост

Незабываемой датой вошел день 9 февраля 1946 года в славную летопись нашей борьбы за коммунизм. В этот день на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа Москвы выступил товарищ И. В. Сталин. Речь великого вождя и учителя содержала краткий отчет о деятельности Коммунистической партии Советского Союза в предвоенные годы и в суровую пору войны. Товарищ Сталин изложил в этой речи программу работы партии и советского народа на послевоенный период — величественную программу коммунистического строительства.

Товарищ Сталин осветил причины возникновения второй мировой войны и охарактеризовал ее особенности, подвел итоги войны и раскрыл источники нашей победы, равной которой не знала история человечества. В свете этого глубокого и ясного сталинского анализа подвиг советского народа предстал перед миром во всем своем величии и неповторимой красоте.

Товарищ Сталин показал значение одержанной нами победы с точки зрения состояния и развития внутренних сил страны. Наша победа, говорил он, означает, что победил советский общественный и государственный строй, победили наши вооруженные силы.

Советский строй, об укреплении и упрочении которого всегда неутомимо заботилась Коммунистическая партия, дал нашему народу и нашей армии великую и непреоборимую силу. В тяжкую годину военных испытаний он показал себя лучшей, наиболее жизнеспособной и устойчивой формой организации общества, чем любой несоветский общественный и государственный строй.

Коммунистической партии, товарищу Сталину обязаны мы тем, что Советская Армия проявила себя в войне как первоклассная армия нашего времени, способная дать сокрушительный отпор любому агрессору. В ту минуту, когда товарищ Сталин говорил о том, что наша армия выдержала все невзгоды войны, наголову разбила армии наших врагов и вышла из войны победительницей, из зала раздался взволнованный возглас: «Под руководством товарища Сталина!». В едином порыве поднялись участники собрания со своих мест и бурной, долго не смолкающей овацией выразили глубочайшую признательность народа творцу великой победы, гениальному вождю и гениальному полководцу.

Говоря о задачах Коммунистической партии и советского народа на ближайшие годы, товарищ Сталин указал, что нам предстоит восстановить пострадавшие районы страны, восстановить довоенный уровень промышленности и сельского хозяйства и затем превзойти этот уровень в более или менее значительных размерах. Эти задачи легли в основу четвертого пятилетнего плана.

«Что касается планов на более длительный период, — сказал товарищ Сталин, — то партия намерена организовать новый мощный подъем народного хозяйства, который дал бы нам возможность поднять уровень нашей промышленности, например, втрое по сравнению с довоенным уровнем. Нам нужно добиться того, чтобы наша промышленность могла производить ежегодно до 50 миллионов тонн чугуна, до 60 миллионов тонн стали, до 500 миллионов тонн угля, до 60 миллионов тонн нефти. Только при этом условии можно считать, что наша Родина будет гарантирована от всяких случайностей. На это уйдет, пожалуй, три новых пятилетки, если не больше. Но это дело можно сделать, и мы должны его сделать».

Непоколебимой верой в могущество советского строя, в гигантские творческие силы нашего народа, в его великую преданность делу коммунизма прозвучали сталинские слова. И мысленному взору советских людей, слушавших речь вождя, предстала необъятная наша Родина — еще более прекрасная и сильная, чем до войны, стремительными темпами идущая вперед к заветной цели...

Прошло семь лет. За этот небольшой отрезок времени советские люди, выполняя под руководством партии предначертания вождя, добились поистине выдающихся успехов. Залечены тяжелые раны войны. Неодолимое движение вперед, неуклонный рост — вот что характеризует жизнь советского общества за эти годы. Рост промышленности и сельского хозяйства. Рост материального благосостояния и культурного уровня народа. Духовный, культурный рост наших людей.

Позади остались годы четвертой сталинской пятилетки. Она была не только успешно выполнена, но по важнейшим заданиям значительно перевыполнена.

В директивах XIX съезда партии по пятой пятилетке мы видим уже воплощение тех планов, о которых товарищ Сталин говорил 9 февраля 1946 года, как о планах Коммунистической партии на более длительный период. Страна наша достигла такого уровня развития, чтобы вовсю, широким фронтом взяться за их реализацию.

О том, с каким успехом осуществляют советские люди сталинскую программу коммунистического строительства, красноречиво говорят следующие цифры: в минувшем году производство чугуна в нашей стране составило 25 миллионов тонн, производство стали — 35 миллионов тонн, проката — 27 миллионов тонн, угля—300 миллионов тонн, нефти — 47 миллионов тонн. Чувство огромной гордости вызывают эти цифры у наших людей. Они свидетельствуют о том, что намеченная товарищем Сталиным на ближайшие три пятилетки программа могучего подъема народного хозяйства будет выполнена в срок, а по некоторым показателям и перевыполнена. Так, например, поставленная товарищем Сталиным задача довести ежегодную добычу нефти до 60 миллионов тонн будет решена досрочно — уже в этой пятилетке.

Прошлым летом вступил в строй первенец великих строек коммунизма — Волго-Донской судоходный канал имени В. И. Ленина. Мы знаем: это сделано по замыслу товарища Сталина.

Ширится фронт великих работ на Волге — под Куйбышевом и Сталинградом, на Днепре — у Каховки, в Крыму, на Аму-Дарье — в Средней Азии. Протянулись в засушливых степных районах полезащитные лесные полосы, широко внедряется новая система орошения, бесплодные ранее земли начинают давать обильные урожаи... Мы знаем: все это делается по инициативе товарища Сталина, творца величественного плана преобразования природы нашей страны.

Огромный размах жилищного строительства и благоустройства наших городов и селений, увеличение выпуска товаров широкого потребления и систематическое снижение цен на них, развитие и улучшение дела народного образования, рост сети библиотек и клубов, больниц, санаториев и домов отдыха — во всем этом мы видим заботу товарища Сталина, Коммунистической партии о благополучии и счастье советского человека. Все это — плоды мудрой политики нашей партии, составляющей жизненную основу советского строя, результат неутомимой и всеобъемлющей организаторской работы партии по проведению этой политики в жизнь.

Сила и непобедимость Коммунистической партии, источник мудрости и прозорливости ее политики — в марксистско-ленинской теории, которой она руководствуется как в своей повседневной практической деятельности, так и намечая планы на будущее. Товарищ Сталин своими теоретическими исследованиями, глубоким научным обобщением опыта социалистического строительства в СССР непрестанно обогащает и двигает вперед марксистско-ленинскую теорию.

Сталинский гений озаряет нам путь к победе коммунизма. В своем новом труде «Экономические проблемы социализма в СССР» товарищ Сталин всесторонне исследовал законы общественного производства и распределения материальных благ при социализме, определил научные основы развития социалистической экономики, указал конкретные пути постепенного перехода от социализма к коммунизму. Опираясь на программные положения этого выдающегося сталинского произведения, XIX съезд Коммунистической партии Советского Союза наметил главные задачи партии на современном историческом этапе.

Успехи наши действительно огромны. Они вооружают духовно наш рабочий класс, колхозное крестьянство и интеллигенцию, укрепляют у советского народа веру в свои силы, мобилизуют на завоевание новых побед коммунизма. Но партия Ленина—Сталина учит наших людей никогда не успокаиваться на достигнутом, не предаваться благодушию и самоуспокоенности, настроениям парадного благополучия, беспечности. Нельзя забывать о том, что чем больше успехи советского народа, тем яростнее становятся попытки империалистического лагеря путем вредительства и диверсий помешать нашему движению вперед, ослабить мощь нашего государства. Нельзя забывать, что в нашей стране сохранились еще носители буржуазных взглядов и буржуазной морали — живые люди, скрытые враги советского строя, советского народа. Нельзя забывать и о том, что, кроме этих врагов, есть у нас еще один враг — ротозейство. Оно-то и составляет питательную почву для вредительства. Коммунистическая партия призывает нас к высокой революционной бдительности, к тому, чтобы решительно покончить с ротозейством в наших рядах.

Седьмую годовщину исторической речи вождя советский народ отметил в разгар подготовки к выборам в местные Советы депутатов трудящихся. Снова, как и в прошлые избирательные кампании, коммунисты выступают на этих выборах в блоке с беспартийными.

Сталинский блок коммунистов и беспартийных олицетворяет собой великое морально-политическое единство советского общества, неразрывную связь партии Ленина — Сталина с многомиллионными массами нашего народа. В этом — источник необоримой силы советского строя. В этом — залог нашего дальнейшего роста, залог новых успехов в деле выполнения сталинской программы строительства коммунизма.

Указ Президиума Верховного Совета СССР

О награждении академика Неедлы З. Р. орденом Ленина

В связи с семидесятипятилетием со дня рождения Президента Чехословацкой Академии наук, Председателя Союза чехословацко-советской дружбы академика Неедлы З. Р. и отмечая его выдающиеся заслуги в деле укрепления чехословацко-советской дружбы и культурного сотрудничества, наградить академика **Неедлы** Зденека Романовича орденом **Ленина.**

Председатель Президиума Верховного Совета СССР **Н. ШВЕРНИК.**

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР **А. ГОРКИН.**

Москва, Кремль
9 февраля 1953 г.

Новые работы о А. С. Пушкине

Вчера в связи со 116-й годовщиной со дня смерти А. С. Пушкина в Центральном доме литераторов состоялось заседание Пушкинской комиссии Союза советских писателей СССР.

Д. Благой выступил с докладом «Пушкин в борьбе с буржуазным Западом», И. Новиков прочел новые страницы из своего романа «Пушкин в изгнании», И. Фейнберг ознакомил собравшихся со своей новой работой о «Дневнике Пушкина».

На основе изучения художественных произведений, статей и высказываний Пушкина, Д. Благой показывает, с какой трезвостью взгляда и как резко поэт критиковал отрицательные стороны буржуазного строя и разоблачал современную ему западную буржуазную демократию.

В одной из своих последних статей Пушкин, как известно, писал о буржуазной Америке, представшей миру «в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предрассудках, в ее нестерпимом тиранстве». Поэт с возмущением говорил о рабстве негров, о жестоком истреблении индейцев.

К заседанию Пушкинской комиссии в Центральном доме литераторов открылась выставка акварельных работ художника Н. Шестопалова «По Пушкинскому заповеднику».

Дм. КАБАЛЕВСКИЙ

Главная задача советских композиторов

Вершина музыкального творчества — опера. И к завоеванию этой вершины зовут нас решения партии и выступления партийной печати, посвященные музыке. Создание советской оперной классики — главная задача наших композиторов. Народ, партия и лично товарищ Сталин, помогающий нам своими мудрыми советами и указаниями, ждут от советских композиторов вдохновенных оперных творений, воспевающих советских людей, их доблестный труд, их героические подвиги.

Пять лет прошло со дня опубликования постановления Центрального Комитета партии «Об опере «Великая дружба» В. Мурадели». Партия призвала этим постановлением советских композиторов «проникнуться сознанием высоких запросов, которые предъявляет советский народ к музыкальному творчеству, и, отбросив со своего пути все, что ослабляет нашу музыку и мешает ее развитию, обеспечить такой подъем творческой работы, который быстро двинет вперед советскую музыкальную культуру и приведет к созданию во всех областях музыкального творчества полноценных, высококачественных произведений, достойных советского народа».

Партия не только подняла на огромную принципиальную высоту задачу создания реалистической музыки, в первую очередь оперы, но и дала нам ясную идейную и эстетическую программу борьбы с формализмом, со всем, что мешает расцвету музыкального творчества. Постановление Центрального Комитета партии об опере «Великая дружба» плодотворно сказалось на творчестве композиторов, в том числе и на оперном творчестве. Уже в 1950 году на сценах оперных театров было поставлено семь новых советских опер, сохранившихся в репертуаре и до сих пор. Это разные произведения, в них есть и различные недостатки, но обнадеживало уже само количество новых опер.

Однако оперное творчество все еще заметно отстает. В 1951 году была поставлена только одна опера — «Певец свободы» Э. Каппа в Таллине; этот же год принес нам два таких тяжелых поражения, как «Богдан Хмельницкий» К. Данькевича и, особенно, «От всего сердца» Г. Жуковского — оперы, совершенно справедливо подвергнутые суровой критике в партийной печати. За весь прошлый год поставлена одна новая опера—«В грозный год» Г. Крейтнера в Саратове, возобновлена опера «В бурю» Т. Хренникова в Москве и поставлена в Ленинграде новая редакция оперы С. Василенко «Суворов». В репертуаре оперных театров Москвы и Ленинграда значится сейчас всего восемь советских опер, и около сорока идут в театрах национальных республик. При этом следует обратить внимание на то, что большинство национальных опер, кроме, пожалуй, «Молодой гвардии» Ю. Мейтуса и «Кёр-Оглы» У. Гаджибекова, не вышли за пределы той республики, где они были написаны.

Репертуар оперных театров страны с большой наглядностью говорит о том, что советские композиторы в большом долгу перед народом, что наметившееся было оживление в оперном творчестве пошло на спад, что у нас есть все основания для тревоги и беспокойства.

Оперная комиссия Союза советских композиторов обсудила и прослушала в течение прошлого года более 40 новых оперных произведений на разных стадиях работы. Но приходится признать, что лишь очень незначительная часть прослушанных и обсужденных произведений вызывает надежду на то, что после своего завершения они окажутся удачами композиторов и обретут жизнь на оперной сцене. Опыт работы этой комиссии позволяет подметить целый ряд общих типических недостатков в творчестве композиторов, создающих новые оперы. Эти недостатки должны быть серьезнейшим образом учтены также и драматургами-либреттистами.

Прежде всего, в подавляющем большинстве случаев мы сталкиваемся с тем, что композиторы приступали к работе над оперой, не создав предварительно продуманного сценария своей будущей оперы — такого сценария, в котором было бы намечено развитие не только общей идеи оперы и ее сюжета, но и **всей музыкальной драматургии.** А ведь продуманный во всех деталях сценарий во многом определяет успех всей работы над оперой. Об этом с большой убедительностью говорит опыт композиторов-классиков. Сценарий — это первый этап работы, который может оказаться и трамплином для успешного прыжка вперед и порогом, о который композитор может споткнуться, даже не приступив к сочинению музыки. К сожалению, непродуманный сценарий, а часто отсутствие сценария — это почти общее явление, с которым мы столкнулись в нашей работе. Можно привести множество примеров неудач и трудностей в работе композиторов над оперой, которые были вызваны именно этим обстоятельством. Авторам опер «Степан Разин» А. Касьянову, «Далеко от Москвы» И. Дзержинскому, «Девушка из Полесья» Е. Тикоцкому и многим другим пришлось, в сущности, отложить в сторону законченный уже клавир и заново приступить к составлению и продумыванию сценария. Композитору Л. Нормету, написавшему оперу «Свет в Коорди», пришлось приступить к созданию нового сценария даже после окончания партитуры. Недооценка работы над сценарием привела к тому, что «Семью Тараса» мы с либреттистом С. Цениным сочиняли два раза, хоть в первый раз вся партитура была закончена.

К. Данькевичу со своими либреттистами А. Корнейчуком и В. Василевской пришлось засесть за новый сценарий «Богдана Хмельницкого» уже после постановки оперы на сцене. То же относится и к И. Френкелю с С. Островым: новый сценарий оперы «Угрюм-река» создавался уже после того, как опера в первом варианте была показана зрителям. Сколько же творческих сил, энергии и времени уходит у нас всех из-за недооценки этого важнейшего этапа работы!

Недостатки многих опер, с которыми мы знакомились, вызваны влиянием «теории» бесконфликтности в драматургии и существованием неправильного взгляда на проблему типического. Эти ложные взгляды связаны друг с другом. И это, естественно, потому, что оба они коренятся в одной почве: в незнании жизни, в поверхностном отношении к сложным жизненным явлениям, в боязни показать острые жизненные столкновения, в непонимании различия между обыденным, часто встречающимся в жизни, и подлинно типическим.

Боязнь сделать своих героев в опере неповторимо яркими, заострить их образы, преувеличить и обнажить главнейшие их черты мешала выявить типическое в этих героях. Сглаживание конфликтов, боязнь заострения их приводили к тому, что при внешней жизненной правдоподобности произведения оно зачастую оказывалось внутренне ложным.

Вот один из многих характерных примеров: в книге Е. Мальцева есть эпизод — заседание правления колхоза, на котором обсуждается вопрос о назначении Родиона звеньевым. Председатель колхоза настолько убежден, что Родион достоин этого назначения, что его вопрос о том, нет ли отводов, звучит, как необходимая формальность. И все, действительно, согласны. Но вот поднимается жена Родиона Груня и в полной тишине говорит:—Я против...

Здесь у писателя дано настоящее обострение конфликта. В опере это могло бы стать острой драматической сценой, выражением больших и значительных переживаний. Однако и композитор Г. Жуковский и авторы либретто А. Коваленков и А. Багмет отказались от того, что давал им роман, и после вопроса председателя, можно ли Родиона назначить звеньевым, они заставили одного из колхозников повести скучный речитатив об ошибках Родиона, об излишней затрате зерна и т. д. Конфликт был снят...

Нельзя не вспомнить поучительный пример неудачи оперы «Богдан Хмельницкий» в ее первой редакции. Авторам оперы не нужно было искать конфликт или придумывать его — он заложен в самой исторической борьбе украинцев с польской шляхтой за воссоединение с Россией. Но авторы,—истории вопреки,—отказались от этого конфликта, приглушили его. В опере В. Дехтярева «Нашествие», сделанной им в содружестве с Л. Леоновым, авторы не показывают смерти Федора, которая в пьесе Л. Леонова дана, как искупление его вины перед народом. Неумение довести конфликт до его высшего напряжения сказывается во многих наших операх.

Все это с большой остротой ставит вопрос об уровне мастерства композиторов. А мастерство это, повторяю, начинается уже с момента, когда формируются идея, замысел, сюжет оперы. И неверно поступают те композиторы, которые перепоручают эту часть работы либреттисту-драматургу и сами не принимают в ней участия.

Они забывают, что мастерство оперного композитора определяется не только умением сочинять музыку, но и знанием законов музыкальной драматургии. Оперное мастерство композиторов-классиков — Чайковского, Римского-Корсакова или Верди—всегда начиналось именно с этой первоначальной стадии работы над оперой. Они были не просто мастерами-музыкантами, но **мастерами-драматургами.**

Серьезно изучать оперную драматургию должны и писатели-драматурги, работающие в оперном жанре. Талант писателя, поэта, драматурга еще не служит гарантией создания хорошего оперного либретто. Достаточно вспомнить оперные опыты А. Корнейчука и В. Василевской («Богдан Хмельницкий»), Б. Лавренева («Разлом»). И композиторам, и драматургам-либреттистам нельзя забывать, что музыкальная драматургия оперы рождается одновременно с ее общим замыслом, а не в порядке некоего дополнения. У нас же часто бывает так: создается обычная пьеса, а потом она «дополняется» музыкальной драматургией. В итоге появляется произведение, лишенное специфических оперных черт—специфической оперной, музыкальной драматургии.

Текст либретто оказывается часто многословным. В нем пространно рассказывается о том, что на сцене с большей убедительностью может быть **показано** и, что особенно важно, **выражено в самой музыке.** Арии и ансамбли возникают нередко в наших операх случайно, нарушая естественное музыкальное развитие произведения. Поэтому в таких операх отсутствуют убедительные, логичные **музыкально-драматические кульминации.** В операх порой обедняется одно из сильнейших средств оперной драматургии — двухплановость, когда оркестр контрастирует с событиями, происходящими на сцене.

Музыкально-драматургического мастерства — вот чего многим из нас и нашим соавторам—либреттистам не хватает, и это главный наш недостаток. Ведь во многих просмотренных нами новых операх немало отличной музыки, но она пропадает понапрасну, потому что композиторы и либреттисты не работают над совершенствованием и укреплением своего музыкально-драматургического мастерства.

Все это, разумеется, не снимает вопроса и о собственно-музыкальном мастерстве оперного композитора. Конечно же, для того, чтобы свободно распоряжаться всей палитрой музыкальных средств при создании оперы, надо обладать опытом и в области хора и в области сольно-вокальной и симфонической музыки, надо покончить, наконец, с дилетантизмом и безграмотностью некоторых композиторов, берущихся за сочинение оперы, но плохо владеющих композиторским мастерством, в частности мастерством оркестровки.

Мы часто и справедливо говорим о необходимости для композиторов изучения жизни, знания жизни. Это совершенно бесспорная истина. Но всегда ли мы верно понимаем, что такое знание жизни? Иногда у нас знание жизни приравнивается к сумме внешних жизненных наблюдений, почерпнутых в творческих командировках в колхоз, на новостройку или куда-либо еще. Конечно, непосредственные личные наблюдения, почерпнутые в жизни, абсолютно необходимы для всякого художника-реалиста. Без них нет и не может быть подлинного, правдивого творчества.

Однако знание жизни — это нечто гораздо большее, чем сумма отдельных жизненных впечатлений. Подлинное знание жизни невозможно без знания законов развития общества. Если нет этого знания, то художник не в состоянии часто осмыслить непосредственные жизненные впечатления, разобраться в них, отличить важное от несущественного, новое от старого. Вот почему так важно для композитора, который призван воплощать реальную жизнь в своем творчестве и воздействовать на эту жизнь, изучение марксистско-ленинской науки об обществе, о законах его развития.

Нельзя закрывать глаза и на ряд практически организационных причин отставания оперы. Со всей самокритичностью надо признать, что секретариат Союза советских композиторов не выполнил решения прошлогоднего пленума правления союза о перестройке всей работы союза так, чтобы опера была в центре внимания союза и его секретариата. Секретариат предпочитал слушать информации и отчеты оперной комиссии, обсуждать их, но не обсуждать сами оперы—сценарии, либретто или музыку. Как правило, секретари отсутствовали на таких обсуждениях или бывали очень редко.

Оперная комиссия союза, к сожалению, превратилась у нас в консультационный орган, не стала направляющей силой, ее захлестнул поток произведений, которые шли к нам самотеком.

Комитет по делам искусств также в значительной мере превратился в консультационное бюро. Из большого числа произведений, которые композиторы несут в комитет, он не сумел выделить наиболее важное, наиболее значительное, не сумел организовать работу композиторов над операми так, чтобы наиболее ценные произведения были закончены как можно скорее и как можно лучше.

И театры мало делают для того, чтобы стимулировать оперное творчество. Они не проявляют достаточной инициативы, смелости в привлечении новых молодых композиторов, в постановке новых произведений. А молодежь наша нуждается в особо большой помощи, ибо в консерваториях до сих пор обращают недопустимо мало внимания на выработку оперного мастерства.

Никак не удается нам наладить настоящие творческие взаимоотношения с Союзом писателей. Об отношении Союза писателей к оперному искусству можно судить хотя бы по состоявшейся полгода назад встрече актива писателей и композиторов. Несколько секретарей нашего союза и актив оперных композиторов пришли на эту встречу в Союз писателей, но не пришел ни один секретарь Союза писателей. Тщетно мы приглашаем представителей секции драматургов приходить на наши обсуждения и помогать нам. Л. Леонов не пришел даже на обсуждение своего либретто. А нам обязательно нужно объединить писателей, интересующихся вопросами оперного творчества! Они могут и должны помочь нам своим опытом и знаниями.

Серьезной причиной, мешающей развитию нашего оперного искусства, мне кажется, является обилие инстанций, по которым проходят произведения. Это не только тормозит дело, но и принижает чувство ответственности самого композитора за свою работу.

Только неустанно овладевая идеями марксизма-ленинизма, знанием жизни, только овладев высоким мастерством и поставив задачу создания советской оперы в центр внимания всех композиторов, всех ответственных за эту работу учреждений и организаций, мы сможем двинуть вперед это большое и ответственное дело.

Музыка — отражение души народа. И выполнить мудрые решения партии о создании красивой, мелодической, подлинно народной музыки, советской оперной классики можно только в том случае, если композиторы проникнутся сознанием величайшей ответственности перед народом за идейную глубину и художественное совершенство своих произведений.

ВКЛАД МАЛЫХ РЕК

Миллионы гектаров засушливых и полузасушливых земель получат воду, когда две огромные плотины перекроют течение Волги у Жигулей и Сталинграда. На карте нашей страны вдоль Волги протянутся на тысячу километров два новых искусственных моря, воды которых изменят природу и даже климат многих районов Заволжья и Прикаспийской низменности. Однако останется еще немало заволжской земли, к которой трудно будет подать воду. Как решить проблему их обводнения?

Жизнь подсказала интересный выход — использовать воду не самой Волги, а ее притоков.

Много притоков у Волги, больших и малых. Вот небольшая речка Черновка, впадающая через реку Самару в Волгу. Когда начинается весенний паводок, ее вешние воды широко разливаются в округе. Черновка выходит из берегов, затопляет окрестности, но затем летом почти пересыхает, теряется в степи. Такова природа и многих других заволжских рек. Ныне все они ставятся на службу человеку.

В прошлом году в Заволжскую степь пришли бетонщики, экскаваторщики, бульдозеристы, скреперисты. Засветились по ночам огни в степи: строители должны к предстоящей весне перекрыть железобетонными и земляными плотинами русла нескольких волжских притоков, создать водоемы и оросительные системы

Работы начались на семи реках: Черновке, Таловке, Пикелянке, Тепловке, Ветлянке и других. Весной эти реки накопят в своих хранилищах около ста миллионов кубометров воды. По магистральным и распределительным каналам она потечет на колхозные поля Куйбышевской и Чкаловской областей.

Таков будет вклад этих семи малых рек в борьбу за преобразование природы.

В нынешнем году начнутся работы по сооружению на малых реках еще 14 оросительных систем.

По подсчетам, сделанным в Главном управлении водохозяйственного строительства Министерства сельского хозяйства СССР, будет «мобилизована» вода свыше 50 волжских притоков. Еще до окончания строительства Куйбышевской ГЭС и возникновения Куйбышевского моря они оросят десятки тысяч гектаров земли.

Что произошло на Северном море

В связи с ураганом, разразившимся над Северным морем и вызвавшим сильное наводнение в прибрежных районах Англии, Бельгии и Голландии, редакция «Литературной газеты» получила от читателей ряд писем с просьбой разъяснить причины этого бедствия. Наш корреспондент беседовал по этому поводу с начальником Главного управления гидрометеорологической службы при Совете Министров СССР тов. А. Золотухиным, который заявил:

— Разразившийся над Северным морем шторм был стихийным бедствием огромной разрушительной силы. Однако следует оговорить, что зарубежные сообщения о том, будто никогда еще в течение столетия Англия не знала наводнения, принявшего характер такого трагического бедствия, страдают неточностью и сделаны, как видно, лишь для успокоения общественности. Четверть века назад, 6—7 января 1928 года, восточное побережье Англии, в том числе и Лондон подверглись катастрофическому наводнению, во время которого уровень воды примерно на три метра превзошел наивысший уровень приливной волны. Тогда английское правительство поручило Ливерпульскому институту приливов, метеорологической службе Англии и другим научным учреждениям исследовать причины наводнения в районе устья Темзы и установить возможность их прогноза.

Эти исследования были проведены. Ученые предупредили тогда, что возможно повторение подобных наводнений. Повидимому, английские власти за все эти 25 лет ничего не сделали для укрепления обветшавших дамб и плотин на юго-восточном побережье своего острова.

Нынешнее наводнение возникло примерно в тех же условиях, что и четверть века назад. 29 января над Атлантическим океаном, к югу от Исландии, возник обширный циклон, который стал смещаться к юго-востоку. К утру 31 января он достиг Северного моря. Очень быстрое падение давления в центре циклона вызвало на Северном море, восточном побережье Англии, а затем в Бельгии и Голландии северные ветры ураганной силы. Над Северным морем скорость ветра достигала 35 метров в секунду.

Ураган над Северным морем продолжался около полутора суток — с утра 31 января до вечера 1 февраля. Сильные ветры увлекли за собою поверхностные воды Северного моря и нагнали в юго-западную, суженную часть моря, на побережье Голландии, Бельгии и юго-восточной части Англии огромные массы воды. Это вызвало подъем воды в устьях рек и прорыв дамб и заградительных сооружений на морском побережье и послужило непосредственной причиной наводнения. В ночь на 5 февраля на Северном море разразился новый шторм.

— Можно ли предсказывать подобные явления?

— Да, можно. Для этого и существует такая наука, как метеорология.

В НЕСКОЛЬКО СТРОК

ИЗ ХРОНИКИ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

✲ **Университет музыкальной культуры.** При Ярославской филармонии открыт университет музыкальной культуры. Программа университета рассчитана на два года. Занятия происходят по воскресеньям. Слушатели знакомятся с творчеством классиков русской музыки, а также советских композиторов.

✲ **Конкурс на песню об Урале.** В Свердловске закончился конкурс на массовую песню об Урале. Жюри одобрило восемь песен. Среди них: «Урал» — автор текста художественный руководитель Дворца культуры Серовского металлургического завода Б. Манжора, музыка М. Голованова, «Матрос Хохряков» — текст домашней хозяйки из гор. Березовского Е. Калашниковой, музыка Э. Кравченко.

✲ **Новый театр.** Спектаклем «Гибель эскадры» А. Корнейчука в Запорожье открылся новый театр. Зрительный зал рассчитан на 1.000 человек, механизация вращающейся сцены позволяет одновременную установку декораций четырех картин.

✲ **Литературно-музыкальные вечера.** Областная филармония Одессы проводит литературно-музыкальные вечера для колхозников и сельской интеллигенции. Особенным успехом пользовались концерты, посвященные теме «Пушкин в музыке».

✲ **Студия самодеятельных художников.** В Ульяновске открылась студия самодеятельных художников. Более тридцати рабочих и служащих изучают теорию и практику живописи.

✲ **Юбилей пионерской газеты.** Исполнилось 20 лет со дня выхода первого номера киргизской республиканской пионерской газеты «Пионер Киргизии».

НА МЕСТЕ НАЗНАЧЕНИЯ...

Васю Пушкарева я знал еще студентом. В 1951 году он окончил Днепропетровский металлургический институт имени Сталина и был направлен на работу в Горький, на завод «Красное Сормово».

Недавно, будучи в командировке в Сормове, я встретил у ворот завода инженера Василия Пушкарева. Ничего не изменилось в его облике. Разве только чуть-чуть похудел и возмужал этот скромный, собранный человек.

— Как живется на новом месте, товарищ инженер?

— Долго рассказывать...

Вечером мы встретились, и Василий Пушкарев поведал мне историю, которую стоит передать читателям.

...Закончились студенческие дни. Прощай, общежитие, прощай, родной институт, Днепропетровск! Назначение было заманчивым — Горький, Сормово. Завод славных революционных традиций, передовой техники, передовых методов труда.

Перед отъездом Вася Пушкарев зарегистрировал свой брак со студенткой того же института. Почти в один и тот же день молодой человек стал и инженером и мужем.

С чувством большого подъема ехал он на место назначения. Он — инженер. Пять лет упорной учебы позади. Наступило долгожданное время самостоятельного труда на благо Родины. Вслед за ним, по окончании института, приедет молодая жена. Они обзаведутся уютным уголком и славно заживут в замечательном трудовом коллективе сормовичей.

Однако уже первые часы пребывания в новом городе смутили молодого инженера.

В отделе кадров завода, куда он обратился по прибытии, прочитали путевку, определили стажером на станцию «Варя» (Пушкарев — специалист по внутризаводскому транспорту) и... попрощались.

— Позвольте, — заметил молодой инженер. — Мне необходимо жилье.

— Ах, жилье! Рабочее общежитие на Бугристой... Прошу...

В комнате общежития находилось двадцать человек. Неуютно, шумно. Удобств— никаких. Вспомнил Пушкарев чистую, уютную комнату студенческого общежития и с горечью подумал:

«Вот я уже инженер, а попал в условия куда хуже студенческих. Ни почитать, ни позаниматься. А приедет жена, куда деваться? Ну, да утро вечера мудренее...»

На другой день молодой специалист решил пойти к главному инженеру завода. В приемной ждали около пятидесяти человек. К главному инженеру Пушкарев попал лишь на пятый день.

— Ничего обещать не могу, — заявил тот.

— Позвольте, но я женат. Ко мне приедет жена. Как же устраиваться? Ведь мы только начинаем жить. Нас уверили...

— Увы, дорогой друг. Сейчас ничего нет.

И остался Пушкарев в общежитии. Приобрел он себе электроплитку. Ходит на рынок. Варит суп. Жарит картошку, котлеты. Сковородку достал без ручки — целая морока. Сходил бы в городскую столовую — далековато.

Все свободное от работы время уходит у Василия Пушкарева на всякие хозяйственные дела. За книжку сесть некогда.

На заводе привыкли к такому быту приезжих молодых специалистов. Вася познакомился с супругами, такими же вчерашними студентами, как и он. Снимают они «уголок» в квартире сормовской «хозяйки», а перспектив на свою жилплощадь мало.

— В общем, плохо мне здесь,—закончил свой рассказ Пушкарев.— Никогда бы не поверил, что на таком прославленном заводе, как «Красное Сормово», так относятся к быту молодых специалистов. Только я уже твердо решил: уеду отсюда. Как только жена закончит институт, попрошусь на любой завод, куда угодно уеду.

Я, как мог, успокоил и ободрил Пушкарева. Он понимающе посмотрел на меня и улыбнулся.

— Вот вы говорите: трудности. Я трудностей не боюсь. Только нельзя равнодушие оправдывать, объяснять трудностями. Почитали бы, что ребята мне пишут, как их встречают на других заводах! Возьмите Сталино, там же все было разрушено войной, сожжено. Тоже, небось, трудности. А как заботятся о молодых инженерах! Или в Днепропетровске. Были вы в Доме прокатчиков?

Да, бывал я в общежитии молодых рабочих металлургического завода имени Петровского, именуемом «Домом прокатчиков». И могу удостоверить — это великолепный бытовой комбинат на 800 человек, с комнатами на четыре койки каждая, коврами на стенах, с дорожками на полу, со столовой, баней, парикмахерской.

Случайная встреча с Пушкаревым, честно говоря, вызвала обиду за сормовичей. Я знал Василия Пушкарева скромным, неизбалованным человеком. И понимал, что, видимо, сильно наболело у него на душе, раз молодой инженер собирается уходить с завода.

Решил поговорить на эту тему с секретарем заводского парткома тов. Тихомировым. Работает он здесь недавно, но положение с бытовым устройством молодых специалистов ему известно.

— Плохо строим, плохо заботимся о быте молодых специалистов, да и не только молодых, — сказал он.

Оказывается, управление капитального строительства завода затянуло на долгие месяцы нелепую ведомственную переписку и беспредметные споры о том, где, в каком месте строить дома для специалистов. Так по вине некоторых чиновников жизнь молодых инженеров, присылаемых на завод, на место назначения, начинается с терний, омрачается равнодушием к их быту.

* * *

Вернувшись в Днепропетровск, я пошел в Металлургический институт. Мне охотно рассказали о судьбах молодых специалистов, которые ежегодно разъезжаются во все концы нашей необъятной Родины. Как правило, их окружают вниманием и заботой. Вот друг Пушкарева — молодой инженер Евгений Огрызкин. Вместе с Василием они выступали на институтских вечерах самодеятельности и под аккомпанемент васиной гитары исполняли дуэтом «Сормовскую лирическую».

Огрызкин получил назначение в Архангельск. Хорошо его там встретили, создали все условия для труда и дальнейшего совершенствования. Узнав о мытарствах товарища, он пишет друзьям:

«Напели мы с Васей «Сормовскую», накаркали на его голову...»

Думается, что неловко будет сормовичам читать эти строки.

Прощаясь со мной, Пушкарев говорил:

— Жене ничего не рассказывайте о том, как я живу. Незачем ее тревожить. В письмах ей сообщаю, что все в порядке, встретили меня, мол, великолепно, комнату предоставили, создали все условия... Впрочем, вероятно, так это и будет к моменту ее приезда. А? Как вы думаете?

Я выразил твердую уверенность в том, что «так и будет». Однако, вспомнив сковородку без ручки, на которой никак не удается дожарить котлеты, решил для пущей уверенности рассказать и жене Пушкарева и читателям правду о неуютной васиной жизни.

Может быть, это повлияет на руководителей завода «Красное Сормово».

А может быть, и директора других заводов подумают о том, как лучше встретить и устроить молодых специалистов, когда они приедут к месту назначения...

Ал. БЫЛИНОВ

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЙ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«КОГДА ПРИШЛА БОЛЬШАЯ ВОДА...»

Так называлась статья, опубликованная в «Литературной газете» 18 декабря 1952 года. В статье критиковались сельскохозяйственные научные учреждения за медленное решение многих проблем орошаемого земледелия.

В редакцию поступило сообщение Министерства сельского хозяйства СССР. «Рассмотрев статью,— говорится в нем,— Министерство сельского хозяйства СССР считает критику недостатков в деле освоения орошаемых земель в основном правильной. Министерство, Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина и научные учреждения все еще недостаточно занимаются вопросами механизации и агротехники возделывания сельскохозяйственных культур в условиях орошаемого земледелия.

В статье совершенно правильно указывается, что прежде всего необходимо механизировать полив, внедрить высокопроизводительные способы полива, заменив ручной малопроизводительный труд поливальщиков. Этот вопрос в настоящее время является самым важным в деле освоения орошаемых земель».

Далее перечисляются меры, принятые министерством для улучшения дела. Так, намечено изготовить в текущем году опытные серии дождевальных двухконсольных агрегатов и прицепных дальнеструйных установок, показавших хорошие результаты при испытаниях. Научно-исследовательские работы будут проводиться в 1953 году по таким основным вопросам орошения, как поливной режим, подбор наиболее продуктивных сортов сельскохозяйственных культур, механизированные способы полива, агротехника возделывания растений на орошаемых землях и методы получения высоких урожаев, мероприятия по предупреждению засоления и заболачивания земель, механизация сельскохозяйственных работ при орошении, применение удобрений.

В январе с. г. на коллегии министерства был рассмотрен вопрос о способах полива в новых районах орошения. Решено провести в этом году производственные испытания метода влагозарядкового орошения и других способов полива; усилить работу научно-исследовательских учреждений в Ростовской и Сталинградской областях по оказанию помощи колхозам в освоении вновь орошаемых земель.

Дело теперь в скорейшем осуществлении мер, намеченных министерством. Между тем некоторые факты говорят о медленной перестройке научных учреждений. В конце января с. г. в Ростове проходило совещание по орошаемому земледелию. Многие выступавшие отмечали, что ученые не дают колхозам ясных рекомендаций по важнейшим вопросам поливного земледелия, механизации полива, нормам и срокам полива. На совещании выступили представители ряда научных учреждений. К сожалению, участники совещания так и не услышали конкретного ответа, что эти научные учреждения будут делать по орошению в 1953 году.

«ВАГОН И МАЛЕНЬКАЯ БАТАРЕЙКА»

Под таким названием 13 декабря 1952 г. в «Литературной газете» был напечатан фельетон, критиковавший формальную позицию, которую занял завод, выпускающий батарейки к слуховым аппаратам, в отношении отгрузки этих батареек торгующим организациям Украины.

Партбюро завода сообщило редакции, что находит критику справедливой. В том, что вопрос об отгрузке батареек решался неоперативно, партбюро считает виновными начальника производства тов. Файзильберга и начальника отдела сбыта тов. Румянцева, которым указано на это.

Партбюро предложило руководству завода учесть в договорах на 1953 год требования торгующих организаций на батарейки к слуховым аппаратам.

Харьковское отделение Медторга, через которое идет снабжение батарейками всех аптекоуправлений Украины, сообщило редакции, что завод ныне ликвидировал свою задолженность по поставке батареек.

ПО СТРАНИЦАМ ГАЗЕТ

РАСКРОЕМ ПСЕВДОНИМЫ...

О фальшивой повести Д. Медведева «На берегах Южного Буга»

Писатель Д. Медведев известен нашим читателям как автор талантливой повести «Это было под Ровно». Он, активный участник героической партизанской борьбы против захватчиков в дни Великой Отечественной войны, мастерски, со знанием дела отобразил в этом произведении подвиги народных мстителей в тылу врага.

В прошлом году в журнале «Жовтень» (Львов, №№ 7, 8, 9) была опубликована вторая, документальная повесть Д. Медведева «На берегах Южного Буга». В своем предисловии автор пишет, что материалом для создания повести послужили документы, отчеты, многочисленные воспоминания участников подполья и переписка с ними. Благородную задачу поставил перед собой писатель, взявшись за волнующую тему, чтобы воскресить в памяти славные страницы борьбы патриотов-подпольщиков города Винницы с немецко-фашистскими захватчиками.

Читатели, в частности, трудящиеся нашего города и области, которым известны имена пламенных патриотов-подпольщиков, ждали, что автор правдиво и ярко расскажет об их героических подвигах.

Но Д. Медведев стал на порочный путь, подошел несерьезно к решению этой задачи. Он не ознакомился с документами, а, очевидно, писал свою повесть на основании фальшивых отчетов отдельных проходимцев, которые после освобождения города Советской Армией от гитлеровцев пытались примазаться к подполью и выдать себя за его организаторов и руководителей. Только совершенно безответственным отношением автора к своей писательской деятельности и ничем не оправданной доверчивостью редакции журнала «Жовтень» можно объяснить тот факт, что это фальшивое произведение увидело свет.

Главным героем в повести выступает Трофим Корнеевич Квитко, по кличке — Самсонов. В трех книгах журнала Медведев пытается показать его патриотом, организатором винницкого подполья.

Медведев кое-что слышал о винницкой подпольщице Ляле Ратушной. И вот он пристраивает к ней Квитко—Самсонова, выводя потом его как руководителя и наставника отважной партизанки. Впоследствии автору уже становится мало этого, и он подчиняет руководству Квитко — Самсонова «подпольные» группы Шведенко, Марчука, Белокобыльского... В конце повести появляется «представитель центра» Полищук — Калашников, который уже предлагает Квитко — Самсонову руководить всеми подпольными группами в городе.

Медведев немало страниц посвящает «работе» Квитко в театре миниатюр, который как-будто бы был ширмой для его подпольной деятельности, и другим приключениям. Но факты и документы проливают другой свет на фигуру Квитко — Самсонова и подобных ему «героев», которых так расписал нетребовательный автор.

Трофим Корнеевич Квитко — Самсонов, изображенный в повести, не кто иной, как Трофим Корнеевич Кичко. Он скомпрометировал себя в дни временной оккупации города Винницы и ничего общего с борьбой подпольщиков не имел.

Д. Медведев, фальсифицируя факты, описывает тесную связь Кичко — Квитко с подпольщицей Лялей Ратушной, но это не отвечает действительности, ибо Ляля Ратушная, как известно, впервые увидела его в январе 1944 г. Кичко—Квитко заходил несколько раз к Крыжевым, знал подпольщиков Бориса Крыжевого, Данилова, Скризняка, но никакого участия в их подпольной работе не принимал, а Борис Крыжевой, Данилов и Скризняк были впоследствии арестованы гестапо и героически погибли.

Не стоит вдаваться в подробности, разбирать «деятельность» этого Кичко—Квитко в повести и в жизни. Скажем только, что после освобождения Винницы Советской Армией от фашистских оккупантов Кичко — Квитко вместе с «представителем центра» Полищуком—Калашниковым и несколькими другими лжеподпольщиками, о которых речь будет дальше, пытаясь оправдаться перед партией, написали фиктивный отчет о работе вымышленной ими подпольной организации «Украина» в Виннице, выдав себя за «организаторов» и «руководителей» ее, за что Кичко был исключен из партии.

Вслед за Кичко—Квитко на страницах повести появляются и другие его друзья, которые ничего общего не имели с мужественной борьбой настоящих патриотов.

Под именем Анатолия Николаевича Марчука автор вывел в повести Анатолия Николаевича Вальчука, который, вопреки утверждениям Медведева, никогда не был связан с подпольной организацией И. В. Бевза, не принимал никакого участия в работе подпольной типографии «Украина». После освобождения Винницы Вальчук—Марчук, договорившись с Кичко—Квитко—Самсоновым, тоже написал фиктивный отчет о своей «подпольной деятельности». Вальчук также был исключен из рядов партии.

Автор, не жалея красок, описывает «подвиги» Полищука—Калашникова — «представителя из центра». Напрягая фантазию, Медведев рисует таинственные встречи его с Кичко — Квитко, вкладывает в его уста громкие фразы, но в самом деле Калашников шел тем же путем, что и Кичко. Прибывши в Винницу с заданием от Ровенского партизанского отряда, он не провел никакой работы. Но после освобождения города от гитлеровцев Калашников вместе с Квитко—Кичко—Самсоновым сфабриковал отчет о «работе» несуществующей организации «Украина».

В повести рассказывается и о «руководителе» подпольной группы «Лесник» Федоре Тимофеевиче Шведенко (настоящая фамилия — Федор Тимофеевич Шведюк), ему же автор приписывает и организацию партизанских отрядов. Однако история Шведюка также убедительно свидетельствует о беспримерной легкомысленности автора. Шведюк—Шведенко, как оказывается, не принимал участия в подпольной борьбе против захватчиков. Факты остаются фактами: Шведюк—Шведенко примазался к подпольщикам уже после освобождения области от фашистских захватчиков, он был изобличен и исключен из рядов партии.

На Винницком мясокомбинате в годы временной фашистской оккупации действовала подпольная группа, руководимая мужественными патриотами Рыбалко—Колпаковым и Надеждой Рудь. Много бед причинили подпольщики оккупантам, но были схвачены гестаповцами и героически погибли. Когда же в Винницу вошли части Советской Армии, роль «руководителя» этой группы взял на себя Александр Реус (в повести — Александр Белокобыльский). Договорившись с Кичко — Квитко, этот Реус также взялся за писание «отчета» о деятельности «своей группы». Правда, впоследствии он сознался в своей фальши, но что до этого Медведеву — он, не задумываясь, расписывает вовсю Реуса—Белокобыльского. Автор ввел в повесть еще нескольких проходимцев — Попова, предателей Родины Афанасьева — Музыченко, Хавжу и др.

Повесть Медведева «На берегах Южного Буга» не имеет в себе ничего документального и от начала до конца фальшива. Проходимец Кичко — Квитко — Самсонов и его компания заслонили в повести настоящих патриотов.

Даже те зерна истины, которые есть в повести, в частности, строки, посвященные Ляле Ратушной, Борису Крыжевому, Ивану Васильевичу Бевзу, настолько бледны и невыразительны, что не оставляют глубокого впечатления у читателя.

Кроме того, что Д. Медведев исказил факты, он, как писатель, допустил еще одну чрезвычайно серьезную политическую ошибку, не показав в повести руководящей роли партии. Деятельность подпольщиков г. Винницы изображена изолированно, в отрыве от направляющего влияния партийного руководства.

В отчетном докладе на XVI съезде Коммунистической партии Украины тов. Хрущев говорил:

«Партийные организации по призыву товарища Сталина организовали всенародную войну в тылу врага. Была проведена большая работа по созданию большевистского подполья и организации партизанского движения... Успехи и широкий размах партизанского движения на Украине, как и в других оккупированных областях Советского Союза, объясняются прежде всего тем, что это было действительно всенародное движение; сила партизан состояла в координировании своих действий с операциями Советской Армии, в теснейших связях с народом, который выдвинул из своей среды десятки и сотни тысяч народных мстителей. В небывалом размахе партизанского движения ярко сказался духовный рост нашего народа, который глубоко воспринял идеи партии Ленина — Сталина. Сила советских партизан заключалась в том, что партизанским движением руководил Центральный Комитет ВКП(б) и лично товарищ Сталин».

И весьма удивительно, что именно это, главное, осталось вне внимания Д. Медведева.

Настоящие герои, участники славного подполья Винничины под руководством Коммунистической партии вели бесстрашную борьбу с немецко-фашистскими захватчиками в дни войны.

В числе первых организаторов большевистского подполья и массовой борьбы трудящихся Винницкой области в тылу врага были воспитанники великой партии Ленина — Сталина: Андрей Микитенко, Иван Калашник, Максим Корнейчук. Еще в 1941 году они создали первые организации и группы, возглавили вооруженную борьбу с фашистскими оккупантами.

В Виннице действовали мужественные патриоты Иван Бевз, Александр Парамонов, Тарас Кузьмин, Ляля Ратушная, Рыбалко — Колпаков, Борис Крыжевой, Александр Побережец, Виктор Данилов и много других подпольщиков, которые вели борьбу с заклятыми врагами.

Партизаны и подпольщики Винницкой области в боях с гитлеровцами уничтожили тысячи вражеских солдат, офицеров, предателей Родины, спустили под откос десятки эшелонов, спасли от угона в рабство много советских граждан. Они проводили большую агитационную работу, выпустили десятки тысяч листовок, газет, плакатов и брошюр, которые распространялись среди населения города и районов области.

Д. Медведев совершенно не изучил той большой работы, которую провели винницкие подпольщики в черные дни временной гитлеровской оккупации, не показал ее в своей повести, хотя и назвал ее документальной.

И не случайно, что после опубликования повести в журнале «Жовтень» в редакцию газеты и в партийные органы поступают многочисленные письма от бывших подпольщиков и родственников погибших патриотов, в которых они выражают возмущение по поводу того, что Д. Медведев в своей повести вывел руководителями подполья людей, которые ничего общего не имели с подпольной борьбой.

Нет надобности разбирать книгу с художественной стороны, она столь же немощна, как и то, что рассказывается в ней. У читателей не может не вызвать горькой усмешки «творчество» Д. Медведева, когда он описывает и город Винницу, где действуют его «герои». Он знает название улиц, но не имеет ни малейшего представления об их расположении и поэтому, конечно, бесстыдно путает.

Коммунистическая партия требует от советских писателей писать правду, своими произведениями воспитывать людей в духе беззаветной преданности Родине, делу Ленина — Сталина. Д. Медведев забыл об этой священной обязанности писателя, когда писал эту повесть.

Советские люди не терпят серости, безидейности, фальши и предъявляют высокие требования творчеству наших писателей. Г. М. Маленков в отчетном докладе на XIX съезде КПСС говорил:

«Высокая и благородная задача, стоящая перед работниками литературы и искусства, может быть успешно решена только при условии, если мы поведем решительную борьбу с халтурой в работе наших художников и литераторов, если будет беспощадно вытравлена ложь и гниль из произведений литературы и искусства».

Писатель забыл еще об одном требовании нашей партии, сформулированном в Уставе КПСС: «...проявлять политическую бдительность, памятуя, что бдительность коммунистов необходима на любом участке и во всякой обстановке».

Д. Медведев, написав и опубликовав эту порочную повесть, проявил политическое ротозейство. В весьма непривлекательном положении и редакция журнала «Жовтень» (редактор тов. Мельничук), которая допустила большую ошибку, предоставив страницы журнала для порочной повести Д. Медведева.

Л. ОЗЯБКИНА,
Н. ЗАРУДНЫЙ

(«Винницкая правда»). Перевод с украинского

О культуре речи*

С. ОЖЕГОВ,
зав. сектором культуры речи Института языкознания Академии наук СССР

Высокая культура речи является одним из важнейших условий повышения культуры советского народа. Ведь язык, как учит И. В. Сталин, будучи средством, орудием общения, является вместе с тем орудием борьбы и развития общества. Язык, понятный для всего общества и общий для всех его членов, призван наилучшим образом осуществлять свои задачи. Он должен быть правильным и точным, чтобы отклонения от нормы не препятствовали общению и не мешали взаимному пониманию; он должен быть выразительным, чтобы выполнять свою функцию орудия борьбы и развития общества; он должен быть чистым, т. е. освобожденным от излишних иноязычных заимствований и вульгаризмов.

Таковы потребности и требования в области многообразных вопросов, связанных с повышением культуры речи. Многое ли сделали со своей стороны языковеды для удовлетворения этих потребностей? К сожалению, мало. В годы господства аракчеевского режима в языкознании вся проблематика культуры речи третировалась как ненаучная. Специалисты-языковеды, занимавшиеся вопросами нормализации русского литературного языка (преимущественно по линии словарной работы), насчитывались единицами. Вопросы культуры языка во всей широте ставились, главным образом, мастерами художественного слова. Выдвигались они также и отдельными ревнителями чистоты русской речи.

Многие спорные и наболевшие вопросы нормализации и стилистического упорядочения русского литературного языка разрешались до сих пор неудовлетворительно. Можем ли мы сегодня со всей силой научной убедительности обосновать нормы современного произношения, современного ударения, словоупотребления? Нет, не можем, несмотря на то, что по вопросам культуры речи, норм современного русского литературного языка было высказано немало дельных мыслей, правильных суждений. Дело в том, что за небольшими исключениями суждения эти носили глубоко эмпирический характер, были основаны на внеисторическом рассмотрении отдельных частных случаев колебаний в пределах современного языка, без широких обобщений, что часто вело к субъективным оценкам. Другими словами, вопросы культуры речи решались без научно-теоретической базы.

Мало кто задумывался над тем, что языковые нормы есть обнаружение закономерностей развития, что они—исторически развивающиеся явления, а не собрание извечных догматических правил. Ведь язык, учит И. В. Сталин, «является продуктом целого ряда эпох, на протяжении которых он оформляется, обогащается, развивается, шлифуется». Язык есть общественное явление. «Поэтому,— указывает И. В. Сталин,— язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык...».

Законы развития языка, как и все законы развития природы и общества, существуют независимо от воли людей. Познав законы исторического развития языка, общество, исходя из тенденций развития, может целесообразно применять эти законы в соответствии с потребностями общения и обмена мыслями в ту или иную историческую эпоху. Отсюда, между прочим, следует, что не всякое явление, стихийно возникшее и часто встречающееся, может стать нормой. Языковая норма — прежде всего явление типическое.

Вопрос о нормах современного русского литературного произношения не может быть решен эмпирически, без теоретического анализа и исторического исследования сущности тех колебаний, которые имеют место. До сих пор в спорах о выборе того или иного произносительного варианта, как правильного, ссылаются на нормы так называемого московского произношения, наиболее полно описанного Д. Н. Ушаковым в 1928 году и позднее, с некоторыми изменениями, в 1935 году. Сторонники сохранения этих норм склонны видеть в них некую универсальную, вневременную категорию, панацею от всех зол разнобоя. Всякое же отклонение от них рассматривается при этом, как порча языка, как вредное влияние орфографии. В этом обнаруживается антиисторическая по существу точка зрения, а именно: представляется, что нормы современного языка, поскольку они всегда спорны, следует искать в нормах прошлого, которые по субъективно-психологическим ощущениям, особенно людей старшего возраста, всегда кажутся устойчивыми. Однако анализ норм прошлого необходим не для возвращения к ним, но для установления тенденций развития. Московская произносительная норма является продуктом развития звукового строя русского языка в течение ряда эпох. Она сложилась — в том виде, в каком ее описал Д. Н. Ушаков,— к середине XIX века, но не застыла в своем развитии, а так же, как и все другие стороны языка, развивалась и изменялась в новых исторических условиях. Даже в пору своего расцвета московские произносительные нормы имели серии конкурирующих, исторически обусловленных вариантов.

Новые исторические условия, формирование народной советской интеллигенции, массовое распространение грамоты—все это привело к тому, что стали предпочитаться в качестве нормы те варианты произношения, которые приближались к орфографическим написаниям. Так, в наше время безраздельно начинают господствовать такие варианты, как мягкий «с» в возвратных глаголах («катился», а не старомосковское «катилса», «боюсь», а не «боюс»), мягкое произношение согласных «г», «к», «х» в основах имен прилагательных («резкий», а не старомосковское «резкый», «ветхий», а не «ветхый», «убогий», а не «убогый»), произношение обычного редуцированного «а» после шипящих («шаги», а не старомосковское «шыги») и т. д.

Современные нормы складываются как исторически закономерное развитие норм старого московского произношения без всякой ломки его здоровых самобытных основ. Так, совершенно прав Ф. В. Гладков, который протестует против космополитической моды произносить твердый согласный перед «е» в иноязычных по происхождению словах, например, «претэнзия», «патэфон», «рэнэгат» и т. п. Это чуждо нормам русского литературного произношения. Только глубокое изучение исторических закономерностей развития русской литературной произносительной системы может дать совершенно объективное основание для оценки самобытности, устарелости или прогрессивности тех или иных вариантов произношения в недрах единого литературного языка.

Еще больше споров и недоумений в области современного русского ударения. Главное затруднение — отсутствие обобщающих, теоретических работ, посвященных изучению исторических закономерностей и тенденций развития русского ударения. А без таких работ не выйти из тупика субъективных оценок. Можно, допустим, признать правильным ударение «реку́», а не «ре́ку». Но, кроме этого слова, в винительном падеже ряда других слов из этой категории имен существительных женского рода наблюдаются колебания ударения. Нельзя быть уверенным, что из диалектов не появятся, например, ударения «руку́», «ногу́» и т. п. Необходимо проследить, как развивается ударение в винительном падеже этих существительных, по крайней мере от пушкинской поры, для того, чтобы после выяснения закономерностей и тенденций развития установить современную норму. Осуждением того или иного ударения в отдельном слове вопроса не решить. Необходимо исследование исторического развития ударения.

Такое исследование разрушило бы, в частности, бытующую у нас космополитическую «теорию» о необходимости в заимствованных и иноязычных собственных именах сохранять ударение на иностранный лад. Так, настаивают, что нужно говорить «ко́ттедж», а не «котте́дж», «Нью́тон», а не «Ньюто́н», «Че́мберлен», а не «Чемберле́н». История же показывает, что русский общенародный язык, в отличие от старого дворянского жаргонного произношения, имеет свои закономерности. Вспомним Ломоносова:

Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать.

Очень важен вопрос о регламентации ударений в собственных именах, и особенно в географических названиях. В социалистическую эпоху в широкое употребление вошли самые разнообразные географические названия, прежде бывшие достоянием речи в ограниченных районах. Часто знакомство с новыми для широких масс названиями происходило книжным путем, без знания живого произношения. Поэтому появились такие ударения, как, например, Лова́ть вместо правильного Ло́вать, Пече́ньга вместо Пе́ченьга, Кине́шма вместо Ки́нешма. Такие ошибки свойственны некоторым справочным пособиям. Предстоит широкое обследование современного местного произношения с учетом исторических данных и анализом закономерностей в происхождении названий.

Углубленное исследование исторических закономерностей и тенденций развития русского литературного произношения и ударения, теоретическое обоснование их норм в современном языке должны сочетаться с широким выявлением существующих колебаний. Предстоит создание нормативного орфоэпического словаря, который отразил бы современные нормы произношения и ударений. Такой словарь будет первым опытом подобного рода. Нужно разработать свод правил произношения и ударений, который должен учитывать строгие нормы и исторически закономерные отклонения от них, а также типичные случаи неправильностей и ошибок.

Нуждается в упорядочении наша письменная речь. В ряде случаев наблюдается, как известно, немалый разнобой, затрудняющий работу школы и печати. До сих пор не устранена дублетность написаний (например, эксплуатация и эксплоатация, идти и итти), не устранен разнобой в написании отдельных слов, возникавший как следствие ложной трактовки их происхождения. Особенный разнобой наблюдается в слитном или раздельном правописании наречий и наречных выражений. Здесь разнобой правописания тесно связан с развитием самого языка. Дело в том, что наречие — живая, развивающаяся, постоянно пополняющаяся новыми словами категория. И новые наречия вызывают обычно затруднения в написании. Так, во время войны широко распространилось ранее мало известное литературному языку выражение «с ходу» (вступить в бой, овладеть чем-нибудь); на страницах печати сразу возник разнобой. Стали писать и «с ходу» и слитно: «сходу». Для упорядочения написания живых, развивающихся категорий языка орфография должна выработать теоретические критерии.

Выход в свет в 1951 и 1952 гг. Орфографического словаря Д. Н. Ушакова и С. Е. Крючкова для начальной и средней школы, в основу которого были положены результаты многолетней орфографической работы Академии наук СССР,— важный шаг в деле упорядочения правописания. Интересы школы этим словарем в основном обеспечены. Орфография должна быть едина для всех. Необходимо ликвидировать те различия, которые существуют между школьной орфографической практикой и орфографической практикой нашей печати. Поэтому для закрепления орфографических норм, для создания полной, общеобязательной и единой орфографии первоочередной задачей является создание большого, исчерпывающего орфографического словаря и единого свода правил правописания.

В круг проблем нормализации устной и письменной речи входят вопросы стилистического упорядочения литературного языка, тесно связанные, в свою очередь, с повышением выразительности и точности речи. Круг вопросов стилистики языка художественного произведения, и тем более общенародного литературного языка, у нас почти не очерчен, теоретически не обоснован. Вот почему литературная наша критика в области стиля художественных произведений строит свои выводы зачастую на вкусовых оценках и внеисторических суждениях, а толковые словари дают стилистические классификации слов эмпирически. Необходимо исследование исторического развития стилей национального литературного языка и основанных на них стилей художественной литературы. Без этого не может быть научно поставлен вопрос о стилистических нормах современного литературного языка, являющихся продуктом исторического развития языка и общества.

Проблема нормализации словоупотребления тесно связана с принципами установления лексических границ литературного языка, с определением стилистической роли диалектной, архаической и жаргонной лексики. Действительно, как объяснить оттеснение в иной стилистический ряд слова «непременно» его синонимом «обязательно», слова «напрасно» его синонимом «зря», слова «огласить» его синонимом «зачитать»? Почему появляются стилистико-синонимические варианты «ладно» в значении «хорошо», «учтите» в значении «примите во внимание», «имейте в виду» и много подобных. Еще сложнее стоит вопрос в области словосочетаний свободных и несвободных. Какие есть очевидные препятствия для того, чтобы не сказать «нанять такси», как говорили «нанять извозчика»? Между тем предпочитают сказать «взять такси». Для обоснования стилистических норм литературного языка необходимо изучение закономерности развития словосочетаний и типов фразеологических единиц. Следует установить закономерности их употребления в различных стилях речи, установить их семантические связи с другими синонимичными им единицами языка.

Наряду с теоретическими работами в области стилистики необходимо создание специальных словарей и грамматик: первоочередным представляется составление словаря синонимов и фразеологического словаря русского литературного языка, а также словаря крылатых выражений, вошедших как выразительные средства в общий язык из литературных произведений. Принимая во внимание крайнюю нужду в этих словарях, следует первоначально приступить к созданию кратких словарей. Небольшой объем словарей обеспечит более скорый их выпуск и критическую оценку, которая особенно необходима для дальнейшей углубленной работы: подобного рода словарей, по сути дела, еще не было в области русского языка.

* * *

Таков далеко не полный круг задач, стоящих сейчас перед языковедами в области повышения культуры речи. Большую роль в осуществлении этих задач призван сыграть недавно организованный сектор культуры речи в Институте языкознания Академии наук СССР.

* В порядке обсуждения.

К. СИМОНОВ

ГЛУБОКОЕ И ПОВЕРХНОСТНОЕ

В июне прошлого года на страницах журнала «Знамя» была напечатана пьеса Анатолия Софронова «Иначе жить нельзя». Не так давно она была сыграна на сцене Малого театра. В ряде рецензий этот спектакль был оценен, как одна из удач нынешнего, к сожалению, еще не богатого удачами, театрального сезона. Мне думается, что эта оценка в общем справедлива.

Многие наши пьесы на зарубежные темы грешили ложно понятой авторами «занимательностью», внешней «эффектностью». Из пьесы в пьесу, нужно или не нужно, перекочевывали декорации баров, мотивчики бойких фокстротов; спившиеся американские журналисты или отставные военные, или просто шпионы, стуча стаканами виски, под музыку длинно исповедовались друг другу в своих подлостях. Все это иногда занимало неправомерно много места — серьезное разоблачение подчас подменялось смакованием шаблонно детективных «выигрышных» ситуаций. И в то же время в слишком многих пьесах на зарубежные темы оставались не показанными жизнь и борьба простых людей.

В основу пьесы Анатолия Софронова положен напряженный, острый сюжет, при отсутствии дешевых попыток бить на всякого рода внешние эффекты. Основное место действия пьесы—сталеплавильный завод в Германской Демократической Республике, дом рабочего этого завода Карла Мильце. Основные герои пьесы — люди этого завода, рабочие, инженеры. Им, их жизни и их борьбе с врагами отдано главное внимание автора.

Вернувшийся из Западной Германии сын Карла Мильце — Франц, оказавшийся американским диверсантом, подбрасывает взрывчатку в печь, на которой его отец проводит новую скоростную плавку по советскому методу. Взрыв удается, но коллектив завода, не позволив скомпрометировать этим взрывом самую идею скоростных плавок, готовит новую плавку, а отщепенца и шпиона Франца Мильце разоблачает народная милиция. Таков вкратце сюжет пьесы.

Разбирая достоинства и недостатки пьесы Софронова, необходимо подчеркнуть верное направление его авторского внимания, верный авторский прицел и несомненную удачу в создании нескольких центральных образов. Писатель сумел заглянуть в жизнь, в его поле зрения попали именно те люди, о которых важней всего было рассказать советскому зрителю и которых нам интересней всего увидеть на сцене.

Со спектакля уходишь с чувством душевной симпатии к изображенным в пьесе простым людям Германской Демократической Республики, уходишь, задумавшись над их жизнью и борьбой.

Пьеса Анатолия Софронова, поставленная на сцене Малого театра, заставляет размышлять, а это — немаловажное и дорогое свойство. Не менее важно и то, что по крайней мере четыре человека из числа лиц, действовавших перед тобой на сцене, остаются у тебя в памяти, вспоминаются, как живые люди. Ты реально представляешь себе их живущими в нынешней Германской Демократической Республике.

Эти люди — Карл Мильце, старый мастер-сталевар, которого играет в спектакле С. Межинский; сталевар Пауль Шольц в исполнении В. Владиславского и инженеры — Вальтер Рейберг и Теодор Груббе в исполнении Н. Комиссарова и М. Штрауха — четыре очень разные и очень характерные фигуры.

Мильце—старый немец-коммунист, пронесший свою несокрушимую волю через 12 лет Дахау. Это, в исполнении С. Межинского, человек могучий и морально и физически; его коренастая мощная фигура словно вырублена из одного куска старого дуба; его движения скупы и уверенны, речь немногословна. Но подо всем этим покровом внешнего спокойствия чувствуется неукротимая душа. Мильце 58 лет, но он еще страстно хочет успеть увидеть своими глазами воссоединение родины в единую Демократическую Германию. Фашизм не сумел согнуть Мильце, но Мильце видел, что сделал фашизм с его страной. Со всем мужеством человека, которого не смог согнуть фашизм, и со всей силой любви к родине, уже однажды поставленной фашизмом на грань гибели, Мильце говорит: — Нет! Будущая единая Германия не будет вновь растоптана фашистским сапогом!

Таким он и остается в памяти после спектакля — коренастая могучая фигура немецкого рабочего-коммуниста.

В. Владиславский играет Пауля Шольца с большим внутренним юмором, который, однако, нигде не переходит в комикование. Шольц — немолодой человек, опытный, старый сталевар. До середины жизни, не выделяясь ни в лучшую, ни в худшую сторону, он был, очевидно, одним из тех многих представителей верхушки немецкого рабочего класса, которые послушно шли за своими социал-демократическими бонзами. Потом, когда на угодливо приготовленной правыми социал-демократическими предателями почве пышным цветом расцвел фашизм, Шольц имел возможность хлебнуть всех его прелестей, узнал, что такое война, потерял жену и дом.

После войны, в новой демократической Германии, Шольц одновременно и работник и свидетель чужих трудов. Работник — потому, что он привык добросовестно трудиться и, как был, так и остался хорошим сталеваром; свидетель — потому, что к началу пьесы он приходит человеком, наблюдающим, как «они» справятся с тем, что «они» задумали — с этим строительством новой демократической Германии.

Шольц уже атакован и снаружи и изнутри. Вся логика вещей призывает его, честного человека, мастера своего дела, стать в число заинтересованных общими успехами хозяев того большого дела, которое совершается в стране. К этому подталкивают его собственные дети, их жизнь, наполненная сознанием общественной ответственности и общественного долга. Но Шольц — трудный орешек. Под влиянием окружающих начиная подсмеиваться над собственными старыми привычками и слабостями, над своей замкнутостью, над своим подчеркнутым индивидуализмом, — он в то же время все еще не сдается и как бы считает, что окружающие должны с ним еще повозиться, понянчиться, прежде чем окончательно приведут его в свою веру.

Лишь когда устроенный вражеской рукой на заводе взрыв убеждает Шольца в существовании враждебных сил, готовых взорвать все созданное руками народа в демократической Германии, — только здесь у Шольца вдруг появляется гневный металл в голосе, и мы начинаем верить, что этот много лет омещанивавшийся представитель немецкого рабочего класса в тяжелую минуту все-таки встанет рядом с Карлом Мильце.

Инженер Рейберг, которого играет Н. Комиссаров, чем-то напоминает выведенные во многих пьесах и романах советских писателей образы старых русских специалистов, энтузиастов, в самые трудные времена пришедших сотрудничать с Советской властью и безраздельно и беззаветно ставших на ее сторону. Эта невольно рождающаяся аналогия, однако, приведена здесь не в укор ни автору, ни актеру, играющему Рейберга, ибо она только закономерна.

Рейберг — человек большой души, большой любви к своему делу и большой любви к людям. Когда он выбирал свой путь, для него не играли существенной роли оклады, которые он получал, или привычки, которые он имел в буржуазном обществе, прежний быт или прежнее окружение. Он искал ответа на один вопрос: где друзья немецкого народа и где его враги. Ясно ответить на этот единственный вопрос — значило заранее ответить и на все другие вопросы, которые могли возникнуть перед Рейбергом тут же или впоследствии.

Облик Рейберга, каким его играет Н. Комиссаров, человека тяжело больного, но все равно и в минуты приступов болезни — физически мощного, очень крупного ученого, человека простого, чуждого мелочной кастовой претенциозности, идеалиста в том смысле, в каком мы употребляем это слово, говоря о человеке большой души — бессребреннике, — этот образ внушает нам, смотрящим на сцену, не только чувство глубокой симпатии, но и наталкивает на мысли о преемственности культуры, о возвышенности традиций народа, чьими сыновьями были Гете, Шиллер, Бетховен. И даже самый внешний облик Рейберга, каким его рисует Комиссаров, — облик старого льва с гривой белых волос, с изрезанным морщинами грозным и добрым лицом, — это оправданно и закономерно поэтический образ.

М. Штраух играет инженера Груббе. Груббе по началу пьесы — один из тех людей, которых ничему не научила история. Ему кажется, что можно, оставаясь честным специалистом, сохранять духовный нейтралитет по отношению к любому режиму. Он твердит, что он инженер, и этим исчерпываются его политические воззрения. Он уехал из Западной Германии потому, что, как он говорит, там слишком явно готовятся к войне. Он уехал потому, что не хотел принимать в этом участия, но безраздельно стать на сторону людей, которые говорят «Нет!» войне, которые борьбу с этой надвигающейся войной положили в основу своей политики, — он не желает. Он желает делать свое дело, работать инженером смены, без недоработок и переработок и по возможности без нововведений. Он чувствует угрозу войны, но он желает жить в своей скорлупе. Он боится увидеть или услышать то, что могло бы его переубедить, и он сердится, когда Рейберг вытаскивает его из раковины, в которую он спрятался.

Для того, чтобы Груббе, подобно Шольцу, хотя и в другой форме, сказал новым силам демократической Германии «я с вами», нужно большое потрясение в его жизни. Этим толчком оказывается диверсионный акт, устроенный американскими шпионами на заводе, где работает Груббе. Нет нужды рассуждать о типичности или нетипичности самого **факта** взрыва, но то, что этот взрыв оказывается решающим **толчком** к тому, чтобы Груббе вышел из состояния нейтралитета и стал по эту сторону черты,— глубоко типично. Этот взрыв — только один факт в цепи бесчисленных и разных фактов, говорящих колеблющимся интеллигентам, подобным Груббе, что давно пора поставить откровенный знак равенства между гитлеровским фашизмом, американской и западногерманской так называемыми «демократиями».

М. Штраух с удивительной тонкостью и точным чувством меры проводит через весь спектакль созданный им образ Груббе — человека, набитого мелочными кастовыми предрассудками, человека в сущности своей честного, но еще судорожно цепляющегося за старое, одновременно и готового и боящегося прозреть. Из чванливого индивидуалистического самолюбия Груббе боится потерять свою самостоятельность, сказав «я с вами» людям демократического лагеря; и все-таки он говорит в конце концов эти так долго пугавшие его слова, говорит их, воочию увидев те отвратительные убийства и преступления, на которые способен лагерь возрождающегося фашизма.

Таковы главные и самые запоминающиеся образы пьесы и спектакля. Причем особенно серьезной художественной удачей драматурга следует считать образы Шольца, Груббе и Рейберга, наделенные в пьесе характерами яркими, резко очерченными и предопределившими их удачную сценическую трактовку в спектакле.

И здесь неправ Ю. Зубков, стремившийся доказать в своей рецензии в «Советском искусстве», что обаяние образа Рейберга есть целиком заслуга Н. Комиссарова.

Не отрицая, а, наоборот, подтверждая превосходное исполнение Н. Комиссаровым этой роли, надо сказать, что достаточно непредвзятыми глазами прочесть текст роли Рейберга в пьесе, чтобы убедиться, что как раз эта роль дает не только богатые возможности, но и совершенно ясное направление для работы над ней актера. (Так же, как и роли Шольца и Груббе).

Во многом иначе обстоит дело с ролью Карла Мильце. На протяжении пьесы Карл Мильце совершает поступки сильного и мужественного человека; его сила и мужество подчеркиваются и чертами его предыдущей биографии революционера. Но характер Карла Мильце в пьесе остался не выписанным. Мало сказать о человеке, что он силен и мужественен. Он может быть сильным и мужественным по-разному. Он может быть при этом молчаливым и сдержанным, но может быть и горячим, увлекающимся. Он может быть подчеркнуто суровым в обращении, а может быть, наоборот, внешне мягким. У него может быть та или иная манера речи, те или иные очень разные черты житейского поведения, повадки и привычки. Над этим драматург, создавая образ Карла Мильце, всерьез не подумал. Он, как просеку через лес, прорубил через пьесу прямую сценическую линию Карла Мильце и этим ограничился, словно считая, что сама драматичность ситуации, при которой сталкиваются строящий новую Германию революционер — отец — и фашист — сын,— спишет все огрехи профессионального мастерства. Однако на поверку это оказалось не так. Образ Карла Мильце стоит в пьесе на верном месте. За его поступками чувствуется большая сила, но говорить, читая текст пьесы, о Карле Мильце, как о живом человеческом, типическом и в то же время неповторимом **характере**, трудно, ибо этот характер очерчен драматургом во многом схематически и лишен живого своеобразия.

В данном случае следует подчеркнуть замечательную творческую работу актера С. Межинского, как бы дописавшего на сцене то, что автором не дописано в образе Карла Мильце: дописавшего привычки этого человека, некоторую хмуроватость, насмешливость, властную отрывистость его речи, его молчаливую приглядку к людям и многое другое, что сейчас, когда смотришь спектакль, неотъемлемо связывается с образом Мильце. С. Межинский, сыграв роль Карла Мильце, раскрыл ту его характерность, которая едва намечена в тексте пьесы. Это, пожалуй, один из тех нечастых случаев, когда актер, воссоздав на сцене написанный в пьесе образ, может увлечь драматурга на то, чтобы, продолжив работу над пьесой, развить и дописать этот образ таким, каким сам драматург не сумел увидеть его до сцены, но увидел на сцене в исполнении актера.

К образам, о которых я говорил, мне хочется отнести, как удачу, небольшую, хорошо написанную и живо сыгранную А. Коротковым роль врача Гофмана. Между тем в пьесе, кроме названных, немало других, проведенных драматургом через все действие образов, — и тут надо сказать, что А. Софронов, с большим тщанием, а иногда и просто мастерски выписав несколько главных ролей, далеко не в полной мере сумел как драматург управиться со всем остальным населением пьесы. В первую очередь это относится к выведенной в пьесе молодежи, которая, по замыслу автора, должна играть в ней большую роль, а на поверку этой роли не играет.

Дочь Карла Мильце Клара, его сын Рудди и жена Рудди Эльфрида, сын Шольца Фридрих и дочь Эльза — ни один из этих образов не выписан как развивающийся характер, который представляет интерес не только по функции в сюжете, но и по своей собственной человеческой значимости.

Драматург расставил эти образы молодежи в сюжете, дал каждому одну-другую живую человеческую черточку и этим по большей части и ограничился. Клара Мильце — восторженна и решительна, Рудди—вспыльчив и резок, Эльза — весела, кокетлива и надеется стать актрисой. Фридрих — прямолинеен, — но все эти черты розданы молодым героям как бы слишком поспешно. Это характерность, которая не заменяет характеров. А глубоко психологически разработанных характеров у этой выведенной в пьесе А. Софронова молодежи нет, и поэтому мне, как зрителю, его молодые герои гораздо менее интересны, чем Шольц или Рейберг.

А разве юность на самом деле бесхарактерна? Разве она наделена только непосредственностью, восторженностью, горячностью, только отдельными живыми, милыми, обаятельными характерными черточками? Да нет же, конечно! И тот же самый Фридрих — сын Шольца, секретарь комсомольской организации, глубоко страдающий от того, что его отец так долго находится в числе отсталых людей, — разве этот Фридрих не мог бы обладать в пьесе глубоко разработанным характером? Разве на месте тех нескольких наспех сказанных обличительных фраз, которые он сейчас обращает в пьесе к отцу, не мог бы оказаться глубокий, с большой психологической правдой написанный разговор отца и сына, разговор, в котором характер сына раскрылся бы со всей глубиной и силой, а характер отца приобрел бы новые грани?

Хотелось бы, чтобы характеры выведенной в пьесе молодежи, в частности Рудди и Клары, были с большей силой, чем это сделано сейчас, противопоставлены Францу Мильце, отщепенцу и негодяю; хотелось бы, чтобы душевное богатство этих молодых людей, их человеческая глубина, их ум, широта их интересов были нагляднейпротивопоставлены духовному убожеству, нищете, растленности—неотъемлемым отличительным чертам людей, подобных Францу Мильце, людей, переставших быть людьми.

Мы с полной ясностью видим, кому в пьесе адресована ненависть автора и на чьей стороне его любовь, но когда мы персонифицируем те образы, на которых сосредоточена эта любовь, мы прежде всего вспоминаем Рейберга, мы вспоминаем Карла Мильце (больше в спектакле, чем в пьесе), но мы не вспоминаем ни Рудди, ни Клары, ни Фридриха, потому что их духовное богатство в пьесе едва приоткрыто. Мы помним, что они существуют по ходу сюжета, что они играют там определенную роль, но какие они в жизни, что это за человеческие **характеры**, — мы не в силах отчетливо воссоздать в своей памяти.

Анатолий Софронов — талантливый и опытный драматург, у него за плечами несколько прошедших с большим успехом и идущих сейчас пьес, у него есть острое чувство сценичности, драматического конфликта (что находит себе подтверждение и в пьесе «Иначе жить нельзя»), словом, он один из тех наших драматических писателей, от которых зрители вправе ожидать большой и успешной работы для советского театра. Между тем из рассмотрения последней драматургической работы А. Софронова явствует, что он потрудился не в полную силу своего дарования. С одной стороны, в пьесе «Иначе жить нельзя» он поставил перед собой большую и трудную задачу, начал строить здание, заложив солидный фундамент. С другой стороны, решая эту задачу, выкладывая этажи, он отнесся к себе, как к драматургу, т. е. как к архитектору пьесы, с явно недостаточной строгостью.

Найдя общее (и верное) сюжетное решение пьесы, наметив несколько основных характеров и только их тщательно выписав, А. Софронов, как мне кажется, попал под влияние ложного взгляда, что сама сюжетная острота и драматичность ситуации оправдывает небрежение к психологическим подробностям.

Драматург счел, что раз сюжет движется стремительно, раз самим его движением создается волнение и напряжение, то зритель, следя за движением сюжета, простит и мельком набросанные образы, и целые куски иногда стертого, маловыразительного, иногда выспреннего, ходульно написанного диалога.

Но это не так. Напряженный сюжет — прекрасная и необходимая для драматургии вещь, но мастерство драматурга как раз и заключается в том, чтобы, при наличии стремительного сюжета, разговоры людей ни в коем случае не упрощались, не схематизировались, не становились только чем-то служебным, существующим ради движения сюжета. А как раз эту систему упрощений, «служебных» скороговорок можно наблюдать, к сожалению, в ряде мест пьесы А. Софронова.

Тем-то и сложна техника драматургии, что, с одной стороны, законы развития действия стремительны, место жестко ограничено, а с другой стороны, это не дает драматургу права упрощать человеческие отношения или превращать человеческие разговоры со всей их живой непосредственностью в формулы разговоров, в пищевые таблетки вместо еды.

Нет, при стремительном развитии действия, в разговорах героев пьесы должна сохраняться вся та глубина, а когда нужно, и обстоятельность, какие характерны для хорошей прозы. Этому блистательному сочетанию — умению стремительно развивать действие с умением вкладывать в него многообразную и подчас даже как бы неторопливо текущую жизнь, без всякого видимого насилия над ней,—нам всем следует учиться у классической русской драматургии и, пожалуй, больше всего у Горького в таких великих образцах, как «Егор Булычов и другие», «Враги» или «Мещане».

Об этом уместно вспомнить всем нам, ибо в забвении этого лежит, как мне думается, одна из причин серьезного отставания нашей драматургии. Драматический жанр литературы — самый трудный. Ставя себе задачу написать пьесу, нельзя с самого начала заведомо упрощать ее, давая себе право на создание, наряду с характерами глубокими, характеров поверхностных и условных, психологически не оправданных, и спеша к финалу пьесы в надежде, что боевая и важная тема, несколько удачных центральных фигур и умело построенный сюжет сделают несущественными все недоделки и слабости.

Следует помнить, что к одной и той же цели можно идти по-разному: можно идти налегке, а можно — с полной выкладкой. Думается, что всякий из нас, драматургов, ставя перед собой боевую задачу и отправляясь в серьезный путь, должен идти с полной выкладкой. А как раз об этом мы все слишком часто забываем. В значительной мере забыл об этом и Анатолий Софронов, который в своей пьесе «Иначе жить нельзя» шел к цели если и не совсем налегке, то во всяком случае и без полной «выкладки».

Ко всему сказанному следует добавить одно: Малый театр, плодотворно опираясь на все то лучшее, что есть в пьесе Софронова, создал удачный в целом спектакль, в котором немало хорошего, ценного. Автор совместно с театром много работал над пьесой. Тот вариант текста, который играют сейчас на сцене, значительно и несомненно в лучшую сторону отличается от первоначально напечатанного текста пьесы. Но, сравнив оба текста, приходишь к выводу, что почти вся авторская правка носит характер многочисленных сокращений, стилистического улучшения реплик, очищения пьесы от неудачных оборотов речи. В пьесе исчезло многое лишнее, ненужное, неудачное. Но ничего нового, обогащающего, психологически углубляющего образы пьесы, по сравнению с ее журнальным текстом, автор при дальнейшей работе не внес. И это жаль, ибо при подлинно творческой, разносторонней работе драматурга с театром не только отсечение лишнего, но рождение недостающего является первой и главной задачей.

ФЕЛЬЕТОН

По милости добрых дядей

Ликовали все. Тихой радостью светились глаза прозаиков, драматургов, поэтов. Члены творческих секций сердечно поздравляли друг друга. Шесть долгих лет они терпели и ждали: не наскучит ли Г. Максимову воздух Прибалтики, не пресытится ли он безмерной благотворительностью местных издателей? И вот, наконец, он осчастливил их своим отъездом.

Торжество в Союзе советских писателей Латвии не носило официального характера. В протоколах оно отражено одной скупой, мало что говорящей несведущему читателю строкой: в связи с отъездом в Москву снять с учета писателя Г. Максимова.

Не оставил Г. Максимов в память о своем пребывании в республике книг или благодарных воспоминаний о полезной творческой деятельности — нет, только неоплаченные долги, стопку договоров, подписанных ротозеями, и пухлую папку судебных дел.

Неустанно, год за годом взимал этот воинствующий коммерсант от литературы дань с Латвийского государственного издательства. Получал гонорары в счет будущих произведений, за нереализованные замыслы, за широту творческих устремлений; за негодные, забракованные романы тоже получал. Тактикой при этом руководствовался несложной, не прибегая ни к каким хитроумным комбинациям: просто требовал, наступал, грозил. На критические замечания отвечал краткими контррецензиями на полях рецензий: «дурак», «идиот». Издательство отступало и платило.

Ни одна вещь не подвергалась в правлении Союза писателей Латвии столь частым и бурным обсуждениям, как «На берегах Даугавы» Г. Максимова. Это «произведение», носившее звучный подзаголовок: «Роман, часть первая», Г. Максимов принес в Латгосиздат еще в 1945 году. А. Дукурс, возглавлявший в ту пору издательство, признал роман плохим, но договор на него все же с автором заключили. После этого начали обсуждать роман писатели. Они терпели хулиганские выходки автора и вновь и вновь, под нажимом автора, возвращались к все той же рукописи.

Но, наконец, не в силах были больше выдержать. Решили: пусть разберется Москва!

Обсудил роман секретариат Союза писателей СССР. И не только отверг его, как явно негодный, но счел нужным указать редактору альманаха на недопустимость включения романа в план альманаха.

Однако и это решение не стало эпилогом эпопеи, охватывающей шесть послевоенных лет. В 1951 году та же рукопись появилась в правлении Союза писателей Латвии под симптоматичным названием «Дорога в бессмертие». Вот уж подлинно: своеобразными способами прокладывал себе дорогу в бессмертие Г. Максимов!

Опять шло в Союзе писателей Латвии обсуждение. Критики устало повторяли:

— Искажена историческая правда.

— Герои напоминают тени, а не образы.

— Язык серый и бледный.

— Рукопись содержит политические ошибки.

Лейтмотивом звучала жалоба: «Надо говорить о хулиганских замечаниях, которые сделал Максимов рецензентам»; «доколе будем терпеть недисциплинированность Максимова?».

Но пока литературные наставники читали нравоучения нашкодившему прозаику, он тем временем получил в издательстве еще гонорар. На этот раз за... намерение написать вторую часть забракованного романа! Договор на эту смелую творческую фантазию подписал заведующий редакцией художественной литературы Латгосиздата В. Берце.

Такую же широту натуры, точнее ротозейство, проявил и Литфонд. На творческие командировки для доработок, переработок, исправлений нашумевшего произведения Литфонд ежегодно выделял Г. Максимову средства: в 1950 году — 2.800 руб., в 1951 — 1.400 руб., в 1952 — 1.000 руб.

Попутно Максимов нажимал на судебные органы. Он выступал в роли истца, чьи интересы ущемляет Латгосиздат: он требовал полного, а не частичного гонорара за ненаписанную часть задуманного романа!

Получала гонорары за будущие произведения и жена Г. Максимова — Л. Лесная, также член Союза советских писателей. Есть в делах решение народного суда о взыскании денег с писательницы Л. Лесной, не представившей в издательство обещанных рукописей. Хранится и гневное обращение Л. Лесной в Верховный суд Латвийской ССР с приложением анекдотической справки милиции о похищении рукописи неизвестными «бандитами». Нет только книг.

Итоги бурной творческой деятельности Г. Максимова подвела краткая справка бухгалтерии Латгосиздата. В ней говорится: «По всем этим рукописям (а также и без рукописей, как мы уже убедились.—**В. Е.**) Максимову было выплачено в виде авторского гонорара 135.519 руб. 14 коп.»

«Все сданные рукописи были забракованы,— констатирует далее с грустью, бухгалтер,— и выплаченный авторский гонорар... списан в убыток издательства».

Почему же так безропотно и так охотно, нарушая при этом советские законы, выплачивало издательство из государственной казны многие десятки тысяч рвачу и вымогателю? Почему писательская организация (секретарь В. Лукс) и, в частности, русская секция ССП Латвии (руководитель Е. Ратнер) занимали позицию непротивления злу?

— Опасно связываться! — Эта краткая формула определяла линию поведения в отношении Максимова.

Что говорить, гнусные методы применял Максимов в борьбе с тем, кто становился на его пути. Под флагом борьбы, которая ведется в республике с проявлениями буржуазного национализма, Максимов неоднократно пытался шельмовать тех, кто признавал халтурными его произведения. Ему служило оружием все: и запугивания, что он кого-то разоблачит, и утверждения, что он «что-то» о «ком-то» знает... Но, строго говоря, все это и служило ему потому, что он не встречал единодушного отпора.

Писательская организация республики уклонилась от решения главного вопроса: может ли Г. Максимов оставаться членом Союза писателей? Секретариат же Союза писателей СССР, не поинтересовавшись плодами шестилетней «творческой» деятельности Г. Максимова в Латвии, механически принял его на учет в московской организации...

В автобиографии, написанной несколько лет назад Г. Максимовым, есть такие заключительные строки: «Если мои первые произведения имели какой-то успех, то это ни в какой мере не значит, что главное мною уже сделано. Главное придет позже. Тогда об этом и поговорим».

Что ж, на наш взгляд, это **главное** уже пришло. И давно пора о нем поговорить. Серьезно поговорить! И о том, как Максимов дискредитирует высокое звание советского писателя, и о тех, кто ему либерально и безответственно потворствует.

РИГА

В. ЕЛИСЕЕВА

УМИРОТВОРЕННОЕ СОЛНЦЕ

«Вот если бы так сделать... — говорит ученик восьмого класса Костя Ручьев.— И в школе учиться, и в колхозе работать. Чтобы десятилетку закончить и в земле толк понимать».

Сама жизнь, повседневная практика советской деревни приводит и Костю Ручьева и других ребят из села Высокова к этому выводу.

По предложению ребят создается школьная бригада высокого урожая; бригада всколыхнула всю школу: школьники с увлечением и радостью все полней и полней входят в кипучую, разностороннюю жизнь колхоза, начинают овладевать основами мичуринской науки, тайнами зеленого мира. Недаром любимый их учитель, директор школы Федор Семенович неоднократно говорил им, что советский человек «многое может», что этот человек должен, обязан быть хозяином, властителем природы.

Слова учителя крепко запали в юные души и дали богатые всходы...

В основу повести Алексея Мусатова «Дом на горе» положена верная, своевременная идея о необходимости самой тесной, крепкой и разносторонней связи деревенской школы с жизнью колхоза. Повесть возбудила законный интерес юного читателя, о ней уже сказала свое слово критика, правильно отметив, что в книге ощущается знание писателем жизни героев. Однако, отдавая должное достоинствам повести, следует сказать, что автору не всегда удается найти **художественное** воплощение своему увлекательному и столь жизненному замыслу.

Обратимся к основному конфликту повести, который намечен интересно и правдиво. Неудача с посевом проса на школьной делянке заставляет школьников серьезно призадуматься над тем, что они мало понимают в колхозном деле. Особенно трудно переживают отставание от жизни горячий, порывистый Костя Ручьев и собранная, волевая Варя Балашова.

Очень способный, особенно к математике, Витя Кораблев не желает принимать участие в школьной бригаде, он весьма равнодушен и к делам колхоза и к неудаче с просом. Между ним и Костей Ручьевым на этой почве происходит столкновение: неприязнь обоих мальчиков друг к другу усложняется их влюбленностью в Варю Балашову и возникающим соперничеством.

В конце концов сама советская действительность приводит к признанию ошибки не только Витю Кораблева, но и его отца, чрезмерно балующего любимого сынка.

Но правдиво намеченный конфликт и даже правильное его разрешение в конце повествования — это еще не все. Для того, чтобы книга была полноценной в художественном отношении, необходимо ясно, выразительно, поэтично показать **процесс** роста, движения характеров, **процесс** борьбы нового со старым, **процесс** преодоления трудностей. Иначе книга обречена быть растянутой, скучноватой, иллюстративно-описательной. Все эти недостатки в детской книге особенно досадны.

Вот, например, стоило только возникнуть в книге школьной бригаде высокого урожая, как все пошло гладко, легко, как-то само собой, без усилий, без напряжения. Мы не видим, не знаем, как школьная бригада добилась тех блестящих результатов, о которых говорит автор. Вместо художественного изображения процессов труда школьников перед нами возникают иллюстрации тех или иных достигнутых успехов.

Автор рассказывает, что колхозники с удовольствием лакомятся арбузом со школьной делянки, что этот арбуз—«прямо мед с сахаром». Но читатель не знает, как арбуз выращивался, не видит труда ребят.

Казалось бы, организация школьной бригады высокой урожайности должна была послужить толчком к дальнейшему развитию характеров, к наиболее интенсивному движению сюжета. А в книге Алексея Мусатова с этого момента начинается угасание, нивелировка интересно показанных вначале индивидуальных детских характеров. Так, Варя Балашова, все более и более утрачивая свои милые детские черты, свое обаяние детской нежной строгости и силы, превращается в какую-то сухую, лишенную возраста резонерку, которая холодно и самонадеянно поучает и разоблачает всех. Угасает и горячий мечтатель, страстный деятель и спорщик, непримиримый к неправде Костя Ручьев; он становится очень похожим на рассудительного и самодовольного Витю Кораблева. Спор между двумя этими мальчиками крайне затягивается, перестает волновать читателя, забывается даже причина, вызвавшая этот спор. Так же гаснут, сглаживаются другие, побочные конфликты и второстепенные характеры.

Здесь особенно показателен образ молодой учительницы Галины Никитичны Кораблевой. Этот образ задуман интересно, правдиво; Галина Никитична — советская учительница по призванию, по свойствам своего характера. Она влюблена в свою профессию, глубоко чувствует высокую ответственность, которая лежит на ней. Оттого Галина Кораблева так болезненно переживает малейший свой промах, связанный с молодостью, неопытностью в школьном деле. Оттого она так страстно и упорно стремится преодолеть трудности... Но автор не дает читателю возможности по-настоящему полюбить Галину Никитичну, ибо не показывает, **как** она преодолевала трудности, **как** ей удалось войти в жизнь школьников.

Вместо раскрытия характера учительницы дается сухое описание ее достижений: «С каждым днем Галина Никитична все больше и больше входила в жизнь школы. Подробно ознакомилась с юннатскими делами, навела порядок в биологическом кабинете, «живом уголке». Она уже знала всех знаменитых школьных птицеловов, собирателей жуков и бабочек, трав и цветов».

Эта подмена художественного раскрытия образа перечислением добродетелей героя нередко приводит к некоторой фальши. Так, желая подчеркнуть любовь Галины Никитичны к школе, автор заставляет ее по приезде в родное село Высоково, в котором она не была долгие годы, пройти после столь продолжительной разлуки не домой, к отцу, матери, брату, а в школу, где она училась...

И то, что Алексей Мусатов сглаживает острые углы, сдерживает драматизм интересно намеченных столкновений, гасит темперамент, своеобразие характеров своих героев, оставляет от книги впечатление известной благостности.

«Был тихий предзакатный час, жара давно спала, деревья замерли, и солнце, умиротворенное и словно довольное тем, что летний день прошел так славно, неторопливо снижалось к горизонту». Этот пейзаж открывает книгу и как бы задает тон повести.

А между тем повесть Алексея Мусатова могла получиться более значительной, если бы автор показал и солнце, и землю, и людей менее тихими, менее довольными и умиротворенными.

Б. БРАЙНИНА

Алексей Мусатов. «Дом на горе». Детгиз. 1951.

ЭСЭСОВЦЫ НАГЛЕЮТ...

С тех пор, как политика возрождения гитлеровского вермахта стала официальной политикой западногерманского марионеточного государства, эсэсовцы, откровенные фашисты с каждым днем наглеют все больше и больше. Пользуясь покровительством англо-американских оккупационных властей в Западной Германии и аденауэровской реваншистской клики, они сбросили маски и выступают все более открыто.

Боннские правительственные учреждения переполнены бывшими гитлеровцами. Как грибы, растут в Западной Германии всевозможные фашистские организации. Вслед за «Стальным шлемом» возникли «Общество взаимопомощи эсэсовцев», «Объединение служивших в личной охране Гитлера», «Традиционный союз штурмовиков имени Хорста Весселя» и т. д. В боннской республике насчитывается до пятидесяти подобных нацистских организаций. Фашистские громилы располагают огромными денежными суммами. По официальным данным, только в прошлом году так называемый «Союз немецкой молодежи», террористическая деятельность которого была недавно раскрыта в земле Гессен, получил от военных промышленников Западной Германии полмиллиона марок. Этому же фашистскому союзу предоставил большие средства американский концерн, выпускающий пресловутый напиток «кока-кола».

Фашисты — главная опора антинародного марионеточного режима Аденауэра. Несколько дней назад это цинично признал боннский министр по координационным вопросам Гельвеге, который заявил: «Современный режим в Западной Германии зависит от сотрудничества с национал-социалистами». Признает это и реакционная западногерманская печать. В связи с недавним арестом английскими оккупационными властями в Западной Германии группы бывших гитлеровцев буржуазная газета «Дейче цейтунг унд виртшафтсцейтунг» откровенно писала, что «боннское правительство открыто поддерживает нацизм и способствует его возрождению».

На помещаемом нами фотоснимке изображена обычная для сегодняшней Западной Германии сцена. По улице шествует демонстрация бывших эсэсовцев — «черной гвардии» Гитлера... Шествие возглавляет военный преступник Рамке, бывший гитлеровский генерал. Участники этой фашистской демонстрации одеты в штатское платье. Оно чуждо их душе — эсэсовцы шагают и думают о том недалеком дне, когда они смогут опять нацепить на себя военную форму со знаком черепа и скрещенных костей, когда они вновь станут официально признанной «гвардией» новых хозяев аденауэровского «рейха»...

ГЕНЕРАЛ РИДЖУЭЙ: — Идите и умножайте свои ряды, друзья мои! Вы — единственные, кто обладает правильным пониманием того, что такое Европа...

Рисунок худ. ДИЛУКА из бельгийской газеты «Драпо руж»

ПОЕЗДКА В КОРЕЮ

Китайская писательница Бай Лан неоднократно бывала в борющейся Корее. Публикуемый ниже отрывок из дневника писательницы о корейских впечатлениях относится к концу истекшего года, когда Бай Лан вместе с Моникой Фелтон и другими деятелями движения за мир снова посетила Корею.

Ночь. Из своего убежища мы слышим оглушительные разрывы бомб, от которых сотрясаются окна и двери, как будто в них ломится сумасшедший. Это разбойничают американские самолеты.

Нашему домику, конечно, не устоять перед бомбами. Но мы спокойно укладываемся спать. Проснувшись от совсем близких разрывов, мы поворачиваемся на другой бок и снова засыпаем. И это не только потому, что нас окружали корейские зенитчики, наблюдавшие за вражескими самолетами, а в небе были корейские самолеты. Нам передавались несравненное мужество и твердость корейского народа.

Империалисты США нанесли Корее множество кровавых ран. Описывать их нет нужды — они известны. Корейский народ рассчитается с врагом. Я лишь хочу сказать:

— Янки-агрессоры сами посеяли ненависть в сердцах корейцев, сами изолировали себя от народов мира, сами огнем вызвали огонь. Никогда не сломить оккупантам героический корейский народ!

Это не просто слова. Это — голос фактов.

Однажды в полдень мы побывали в окрестностях Пхеньяна среди людей, пострадавших от войны. Они понастроили в граните искусственные пещеры-жилища. Но они любят солнце и наслаждаются им в первую же спокойную минуту. Женщины вывешивают под его лучи одежду, матрацы и одеяла, дети играют в прятки. Мужчины с лопатами, сверлами, топорами и пилами наскоро устраняют последствия очередного налета американских бандитов.

Ким Пхён Сану 58 лет, но сердце его молодо. Он говорит мне:

— Многие наши семьи разрушены. Но мы сплотились в большую всенародную семью. Наша большая семья крепка своей волей к победе.

Здесь же я встретила одного седовласого корейца. Он отстраивал свое новое жилище.

— Американские разбойники разрушили все наше село, — сказал он. — Но враг не в силах сломить нас. Вот, видите, я строю себе новое жилище, а на взорванной бомбами земле, — он указал на воронку, что была рядом, — буду разводить огород, выращивать овощи для наших народных воинов.

В его простых словах были заключены несгибаемая сила, вера в свое будущее, перед которыми бессилен до зубов вооруженный враг.

...У прекрасной горы Моранбон стояло высокое здание университета. Еще прошлой весной, приехав в Пхеньян, я не раз входила в этот уже частично разрушенный дворец науки. Наша творческая группа собиралась здесь вместе с корейскими работниками литературы и искусства. Мы живо беседовали, обмениваясь творческим опытом. Трудно забыть наши горячие дружеские встречи.

И вот осень. Поблизости от университета враги сбросили огромную бомбу, и здание раскололось надвое. Я брожу по опаленной земле. И вдруг передо мной возникает акация. Корни ее наполовину обнажены, ствол искривлен, но она живет!

Как велика сила жизни! Корейский народ и его земля едины в своей жизнедеятельности.

По пути в редакцию газеты «Нодон синмун» мне встретилась кореянка, хлопотавшая в своем маленьком осеннем садике. Садик был разбит под окном ветхой покосившейся чибби. Я вспомнила о цветах, которые преподносила нам весной Пак Ден Ай. Они были так удивительно свежи и красивы! Пак Ден Ай вырастила их сама. И, придя к ней в гости, мы увидели их у ворот пятнадцать раз страдавшего от бомб дома: нежные, улыбающиеся, они тянулись к солнцу.

— Это урожай земли, возделанной мною, — сказала хозяйка с улыбкой.

И я увидела, что хлопотавшая в своем садике женщина так же стойка духом, как и Пак Ден Ай.

Редакция и типография газеты «Нодон синмун» помещается в горной пещере. Приближались сумерки. Но это не имеет значения для редакции и типографии: дневной свет не заглядывает в их убежище.

Вход в пещеру низок и узок, но достаточно освещен.

Редактор газеты товарищ Ли Мун Ир водил нас по всем цехам и отделениям. Атмосфера радостного труда воодушевляла нас. Производительность его и качество работы выше довоенных. На стенах — график производственного соревнования и лозунги о помощи фронту. Наборщики проворно и быстро расторяжаются шрифтами. Печатники внимательно следят за машинами. Рабочие спешат во-время дать читателю газету, их лица и одежда — в типографской краске. Они трудятся день и ночь, не обращая внимания на тесноту в пещере.

Кабинет Ли Мун Ира не велик. Вошло нас пять или шесть человек, и сразу стало тесно. А он руководит отсюда работой большого учреждения. Сто тысяч экземпляров — разве это маленький тираж для воюющей Кореи! (До войны тираж газеты был 200 тысяч экземпляров). Необходимо добавить еще, что редакция издает также иллюстрированный журнал для крестьян. Он выходит регулярно и отличается простотой изложения. Такими лозунгами, как: «Шире развивать шелководство!», «Бороться за разрешение трудностей с одеждой!», журнал поднимает производственный энтузиазм крестьян и способствует росту нового в деревне.

Замечательные корейские рабочие творческим трудом вдохновляют весь свой народ, вселяют веру и надежду во всей Северной Корее.

Собравшись вместе за чашкой чая, полиграфисты говорят о том, что за правду, за победу родины, за то, чтобы отблагодарить китайских добровольцев и братские государства, бескорыстно помогающие их стране, за победу мира во всем мире они готовы отдать все силы.

— Мы надеемся, — говорят они, обращаясь к нашей группе, — что вы расскажете в Китае и Англии о нашей решимости. Нам особенно хочется, чтобы о ней знали китайские рабочие.

Мы крепко запомнили этот искренний наказ. На прощанье они спели полную радости жизни «Песню новой Кореи».

На следующий день мы направились в деревню Синхынри. Едва мы вступили в ее пределы, как к нам подбежал заметивший нас со своего рисового поля крестьянин. Его звали Ким Ток Лен. На вид ему было за сорок. Просто и широко улыбаясь, он протянул нам натруженные руки.

В Синхынри — больше трехсот чибби. В 1951 году в деревне побывал враг. Ни одна семья не избежала несчастья: одних убили, других увели. Ни в одном дворе не осталось не то что коровы или овцы, но и собаки. Удирая, злодеи забрали всю домашнюю птицу. Бомбежки и наводнение погубили богатый урожай.

— Но мы живем. Нам помогли братские народы, — говорит Ким Ток Лен, смахивая блеснувшую на глазах слезу благодарности. — Советский народ прислал нам белой муки, а китайский — другие продукты. Братская помощь позволила нам и землю засеять.

— Женщина в деревне — большая сила, — с гордостью говорит председатель Демократического союза женщин деревни. — Для нужд войны женщины не жалеют труда и повсюду успевают: и детей растят, и разную работу для фронта выполняют, и поле обрабатывают. А площадь запашки у нас теперь больше довоенной!

В словах этой женщины мы не почувствовали никакого преувеличения. Она сама, кроме большой и важной работы по организации женщин, очень занята дома. У нее четверо детей, и она тоже обрабатывает большой участок земли...

Да, жизнь сильнее смерти!

Бай ЛАН

С. МАРШАК

Анкета господина Трюгве Ли

Американские власти начали повальную чистку аппарата ООН от «неблагонадежных элементов».

(Из газет)

Где он работает? В ООН.
Кому он служит? Янки.
Верней, прислуживает он
Сотрудникам охранки.

Чему подведомственный штат
Он подвергает? Чистке.

Что посылает он в сенат
Без промедленья? Списки.

Каким же делом занят он?
Ответить можно вкратце,
Что занят секретарь ООН
Разъединеньем наций!

Кто кого судит?

Правители США учинили позорную судебную расправу над тринадцатью американскими коммунистами, мужественными борцами за мир. Во время суда обвиняемые, отстаивая свои взгляды, разоблачали политику подготовки к войне, проводимую американскими империалистами.

(Из газет)

Есть некий дом на Фоли-сквере,
Как говорится, «скверный» дом.
Отсюда путь — к тюремной двери,
И этот дом зовут судом.

Здесь за столом судья неправый
Ведет допрос, грозя расправой.
Сидеть бы этому судье
Не за столом, а на скамье,

Где усадил судебный пристав
Зовущих к миру коммунистов.

Тюремщикам наперекор
Они читают приговор
Всем лжесвидетелям подкупным,
Их нанимателям преступным, —
Всем, кто пытается страну
Вовлечь в кровавую войну.

Вратари у закрытых врат

Австрийская футбольная команда, ездившая в Америку на состязания, вернулась домой ввиду того, что нескольким ее членам американские власти отказали в разрешении на въезд.

(Из газет)

Спортсменов австрийской команды
На матч не пустил Вашингтон,
Боясь, что в очаг пропаганды
Они превратят стадион.

Быть может, в мяче для футбола
Идет из Европы крамола?

* * *

Австрийской команде футбольной,
Поехавшей этой зимой
В страну Авраама Линкольна,
Пришлось возвратиться домой.

И, слыша по радио румбу,
Сказал землякам чемпион,
Что был бы сейчас и Колумбу
В Америку въезд запрещен.

С ПОЛИЧНЫМ!

В «Литературной газете» от 31 января с. г. была помещена подборка высказываний различных органов датской печати, выступавших против размещения в Дании иностранных войск (на что, как известно, нынешнее датское правительство уже дало свое согласие). Эти высказывания еще раз подтверждали положения недавней Памятной Записки правительства Советского Союза датскому правительству. Как известно, Записка подчеркивала, что утверждение датского правительства, будто его позицию единодушно поддерживают печать и общественные круги Дании, не соответствует действительности.

В числе выдержек, приведенных «Литературной газетой», была и нижеследующая цитата из датской буржуазной газеты «Фюнс тиденде»: «Мы не желаем, чтобы Дания была заполнена иностранными войсками... Дания ничего не желает, кроме мира, и этот мир прежде всего должно охранять население страны. Свободный народ должен как можно дольше не допускать оккупации страны, хотя бы она и была мирной».

Нам неизвестно, какие метаморфозы произошли в редакции газеты «Фюнс тиденде» после опубликования советской Памятной Записки. Нажала ли на редакторов этой газеты некая длань или случилось что-либо другое, — не будем гадать. Во всяком случае, реакционные датские газеты, такие как «Сосиал-демократен», «Нашональтиденде» и им подобные, давно уже ратующие за превращение Дании в колонию и военный плацдарм США, перепечатали приведенную выше цитату из «Фюнс тиденде», сопроводив ее следующим примечанием: «Фюнс тиденде» об этом сообщает: «Телеграмма, касающаяся «Фюнс тиденде», должно быть, основана на недоразумении. Мы внимательно просмотрели номер от 6 декабря прошлого года и ни в редакционных, ни в присланных статьях или рефератах не имеется цитаты, которую «Литературная газета» приписывает «Фюнс тиденде».

Нам неизвестно, повторяем, что произошло в редакции «Фюнс тиденде». Однако хорошо известно другое: редакторы плохо искали злополучную цитату. Согласитесь, господа редакторы из «Фюнс тиденде»: тот факт, что вы не обнаружили этой цитаты в номере от 6 декабря, является мало существенным по сравнению с тем обстоятельством, что цитата эта **содержится в предыдущем номере вашей газеты от 5 декабря.** Не изменяет дела и тот факт, что вы теперь при помощи сомнительной ловкости рук пытаетесь отбояриться от собственных выступлений, — что написано пером, того не вырубишь топором... из номера вашей газеты от 5 декабря.

Если же случилась такая беда и этот номер — при явно мистических обстоятельствах — исчез из редакционного комплекта, то господа из «Фюнс тиденде», а вместе с ними и редакторы «Сосиал-демократен», «Нашональтиденде» и других газет, поспешно опубликовавших заведомо лживое «примечание», могут заглянуть, скажем, в номер «Фюнс тиденде» от 28 января текущего года. В этом номере, вышедшем за день до опубликования советской Памятной Записки, есть такое высказывание: «Размещение иностранных войск внутри границ любой страны почти всегда ведет к неприятным встречам, которых невозможно избежать. В некоторых районах Европы местные жители тоскуют по тому дню, когда они опять будут хозяевами у себя дома».

Такова была позиция газеты «Фюнс тиденде» в вопросе об иностранных военных базах в Дании. Позиция, о которой редакторы этой газеты теперь, по неизвестным нам причинам, стремятся умолчать.

Что же касается клеветников из «Сосиал-демократен», «Нашональтиденде» и других «атлантических» газет, то трудно сказать, чему следует больше удивляться: неразборчивости их методов или глубине их неуважения к читателям датских газет. Поместив 31 января подборку высказываний датской печати, «Литературная газета» писала, что иные дипломаты позволяют себе беспардонно лгать, забывая, что уличить их в этой лжи не составляет никакого труда. Это замечание можно с полным основанием адресовать и реакционным датским журналистам.

ОТВЕЧАЕМ НА ВОПРОСЫ ЧИТАТЕЛЕЙ

Новое правительство США

Как уже сообщалось в печати, 20 января этого года официально вступил в должность новый президент США Дуайт Эйзенхауэр. Сенат США утвердил членов нового американского правительства. Наш читатель тов. М. С. Путянкин (Москва) обратился с просьбой рассказать, кто входит теперь в состав правительства США.

Выполняем просьбу тов. Путянкина.

Государственным секретарем (министром иностранных дел) в новом правительстве является **Джон Фостер Даллес.** Возглавляемая им юридическая фирма «Салливен энд Кромвэлл» — крупнейшая на Уолл-стрите — связана с 57 американскими корпорациями, охватывающими почти все отрасли промышленности, а также страховые общества и банки, и представляет интересы многих иностранных фирм. В числе постоянных клиентов фирмы «Салливен энд Кромвэлл» — крупнейшие корпорации рокфеллеровской группы: «Стандард ойл» и «Чейз нейшнл бэнк». По свидетельству американской профсоюзной газеты «Лейбор», эта фирма ведет «выгодные дела, при которых гонорар в один миллион долларов не является необычным явлением».

Наряду с этим Даллес является директором 15 промышленных и финансовых фирм. Он — член правления нефтяной компании «Стандард ойл оф Нью-Джерси», директор «Интернейшнл никель компани оф Канада», крупнейшей американской компании по добыче никеля, обладающей капиталом около 300 миллионов долларов, а также директор ряда банков — «Бэнк оф Нью-Йорк», «Фифс Авеню бэнк», «Америкен Бэнк — Ноут компани» и других.

Через своего брата Аллена Даллеса, теперешнего руководителя Центрального разведывательного управления США, он связан с германским банкирским домом Шредера, представленным в США фирмой «Дж. Генри Шредер» и являвшимся, по свидетельству американского журнала «Тайм», «экономической опорой оси Рим—Берлин». Даллес, как заявил однажды бывший американский сенатор Пеппер, был связан с «банковскими кругами, которые поддерживали Гитлера... и которые создали его нацистскую партию».

Джон Фостер Даллес в 1939 году заявил, что «только история способствует распространению мнения о том, будто Германия, Италия или Япония намереваются начать против нас войну».

В послевоенный период Даллес явился одним из инициаторов так называемой «двухпартийной» внешней политики США. Выступая 19 сентября 1949 года в Бингемтоне (штат Нью-Йорк), сам Даллес об этом отозвался так: «Грубо говоря, политика, которую я рекомендовал в 1946 году, стала американской внешней политикой».

В 1947 году на II сессии Генеральной Ассамблеи Даллес заявил: «Не будет возврата к Тегерану, Ялте, Потсдаму». В своей книге «Война или мир», опубликованной в 1950 году, он писал, что США призваны «выполнить всемирную миссию» руководства миром и что «структура американской национальной жизни может послужить образцом структуры всеобщего мира». «Нью-Йорк таймс» писала, что эта книга предназначена «служить руководством для государственного департамента США».

По словам буржуазного американского журнала «Рипортер», «никого другого из наших общественных деятелей интервенция в Корее не воодушевляла так, как Даллеса». Известно также, что Даллес является автором сепаратного «мирного» договора с Японией.

Даллес — активный деятель республиканской партии. В конце марта 1952 года он ушел с поста советника государственного департамента, чтобы принять участие в кампании по выборам президента. Его перу принадлежит проект внешнеполитической программы республиканской партии, одобренный на съезде этой партии в июле 1952 года в Чикаго.

Обозреватели американских газет, комментируя назначение Джона Фостера Даллеса, высказываются в том духе, что переход поста государственного секретаря от Ачесона к Даллесу будет означать продолжение двухпартийной политики.

Министр обороны **Чарльз Вильсон** — крупный промышленник. С 1941 года он занял пост президента корпорации «Дженерал моторс» и владеет ее акциями на сумму свыше 2,5 млн. долларов. Этот концерн контролируется семейством Дюпонов и считается одним из важнейших предприятий фирмы «Дюпон де Нэмюр», которая держит в своих руках 22,7 проц. акций «Дженерал моторс» — самый крупный пакет. Семь директоров фирмы Дюпон одновременно являются директорами «Дженерал моторс», связанной и с банкирским домом Моргана, который тоже финансирует эту корпорацию.

По сообщению журнала «Тайм», возглавляемая Вильсоном «Дженерал моторс», на заводах которой занято 470 тысяч человек, во время второй мировой войны поставляла армии $^1/_4$ всех изготовленных в США танков, броневиков и авиамоторов, почти половину пулеметов и карабинов, $^2/_3$ грузовых автомашин. Сейчас эта корпорация, как пишет «Тайм», производит военных материалов больше, чем какая-либо другая американская фирма. По сведениям журнала «Бизнес уик», с начала войны в Корее «Дженерал моторс» получила военных заказов почти на 5,5 млрд. долларов.

В настоящее время «Дженерал моторс» имеет военных заказов на 900 миллионов долларов. В 1951 году прибыли этой гигантской корпорации равнялись почти полутора миллиардам долларов. Сам Вильсон среди главарей промышленных монополий США является одним из наиболее высокооплачиваемых: ежегодно он получает более 600 тысяч долларов в виде жалованья и премий, не считая доходов от акций.

Министр внутренних дел **Дуглас Маккей** — губернатор штата Орегон. Корреспондент агентства Юнайтед Пресс писал, что «у Маккея с Чарльзом Вильсоном из Детройта будет общим не только то, что они займут посты в кабинете... Губернатор штата Орегон в частной жизни занимается сбытом автомашин, выпускаемых «Дженерал моторс». С 1922 года Маккей является владельцем одного из крупных агентств по продаже автомобилей корпорации «Дженерал моторс». Характеризуя Маккея, американский сенатор Морзе заявил, что губернатор Орегона является «марионеткой в руках грабителей залежей нефти на дне моря, банды, владеющей частными компаниями коммунального обслуживания, и эгоистичных групп, которые ставят материальные интересы выше человеческих».

Министр почт **Артур Саммерфилд** — третий член кабинета Эйзенхауэра, связанный с «Дженерал моторс». Так же, как и Маккей, он владеет одной из крупнейших компаний по сбыту автомашин этой корпорации — «Саммерфилд Шевроле компани». В 1938 году Саммерфилд становится членом совета директоров ряда страховых компаний — «Америкэн мотористс иншуренс компани», «Ламбермэнс мючуэл иншуренс компани» и др.

Саммерфилд — старый деятель республиканской партии. О его роли в проведении избирательной кампании прошлого года профсоюзная газета «Лейбор» писала: «Дженерал моторс» оказала свое влияние через крупного агента по сбыту автомобилей Артура Саммерфилда, который в ходе кампании республиканской партии собирал также от других агентов по сбыту автомобилей огромные суммы денег в «фонд, предназначенный для взяток». 12 июля прошлого года Саммерфилд был назначен председателем национального комитета республиканской партии.

Министр юстиции **Герберт Браунелл** — крупный нью-йоркский адвокат, связанный с уолл-стритовскими монополиями. С 1932 года он — компаньон юридической фирмы «Лорд, Дэй энд Лорд», а с 1937 года — директор нескольких банков и главный юрисконсульт «Американской ассоциации отелей» и «Нью-Йоркской ассоциации отелей».

На посту министра юстиции, как заявил об этом сам Браунелл, он в первую очередь займется пересмотром судебных исков против семейства Дюпонов, которые на основании так называемых антитрестовских законов «обвиняются» в стремлении поглотить крупные промышленные фирмы и монополизировать рынок. Браунелл заявил, что оставит на прежнем посту нынешнего директора федерального бюро расследований — Эдгара Гувера.

Министр финансов **Джордж Хэмфри** — крупный кливлендский адвокат-бизнесмен. В 1929 году Хэмфри становится президентом крупной сталелитейной компании «М. А. Ханна компани оф Кливленд», а в мае прошлого года избирается председателем правления. Компания «М. А. Ханна» — это, по словам журнала «Тайм», «обширная деловая и промышленная империя, имеющая важные интересы в области добычи железа, стали, угля, меди, нефти, естественного газа, пластических масс, в судоходстве и банковском деле». Одновременно Хэмфри является руководителем ряда других крупных компаний. Американский журналист Дрю Пирсон охарактеризовал Хэмфри, как «самого близкого к Меллону человека...»

Министр торговли **Синклер Уикс** — видный бостонский бизнесмен, обладающий обширными деловыми связями. В настоящее время Уикс является председателем совета директоров корпорации «Юнайтед кар фастенер», выпускающей оборудование для авиационной промышленности и других концернов. Уикс является директором крупного банка «Ферст нейшнл бэнк оф Бостон», а также крупнейшего текстильного концерна «Пасифик миллс» и других больших монополистических предприятий. Через пульмановскую компанию, производящую железнодорожные вагоны, Уикс непосредственно связан с могущественнейшими монополистическими кругами США — с домом Моргана, с Рокфеллером, с Меллоном и другими финансовыми воротилами. Уикс — один из директоров Национальной ассоциации промышленников.

Назначенный министром земледелия **Эзра Бенсон** в 1939—1944 гг. был одним из руководителей «Нейшнл каунсл оф фармерс кооперативз» (Национальный совет фермерских кооперативов), объединяющего контролируемые крупными фермерами ассоциации по продаже и покупке сельскохозяйственных товаров, сделки которых превышают миллиард долларов в год. Позднее Бенсон возглавлял Совет попечителей кооперативного института, который, по словам профсоюзной газеты «С. И. О. ньюс», известен «как организация, в которой господствуют крупнейшие мукомольные и зерновые компании». «Характерно, — писала другая профсоюзная газета «Лейбор», — что президент «Нейшнл фарм бюро федерейшн» Клайн заявил о том, что он доволен назначением Бенсона на пост руководителя министерства земледелия... Клайн и другие лидеры «Нейшнл фарм бюро федерейшн» выражают взгляды крупных дельцов Уолл-стрита и крупных фермеров — лендлордов».

Только один член нового правительства — министр труда **Мартин Даркин** не является промышленником. Даркин — представитель профсоюзной бюрократии из Чикаго. Он — председатель «Объединенной ассоциации помощников мастеров и учеников профсоюза слесарей — водопроводчиков и канализационных рабочих», входящей в АФТ (Американская федерация труда) и вице-президент «Католической конференции по промышленным вопросам».

О назначении Даркина министром труда орган монополий — газета «Джорнэл оф коммерс» писала: «В настоящее время мы считаем, что назначение Даркина было умным, а не «невероятным» шагом: такая игра, видимо, действительно стоит свеч». По словам американского обозревателя Давида Лоуренса, в лице Даркина новый президент будет иметь представителя, который может «объяснить» взгляды правительства профсоюзам.

* * *

Американская печать оживленно комментировала назначение президентом Эйзенхауэром новых министров. Газета «Крисчен сайенс монитор» отмечала, что в правительстве «доминируют представители промышленности, финансов, а также юристы, прочно связанные с деловыми кругами».

Некий «наблюдательный критик», мнение которого на страницах газеты «Нью-Йорк геральд трибюн» привел обозреватель Олсоп, назвал новое правительство кабинетом в составе «17 миллионеров и одного водопроводчика». Под «водопроводчиком», как видно, подразумевается министр труда Даркин. Говоря о 17 миллионерах, «наблюдательный критик» имеет в виду не только находящихся на ключевых постах министров — членов кабинета, о которых мы здесь рассказали, но также всех других лиц, занимающих второстепенные, но важные правительственные должности.

Так, например, подчиненные члену кабинета министру «обороны» Вильсону министры родов войск — также представители большого бизнеса: военный министр Роберт Стивенс является председателем Федерального резервного банка в Нью-Йорке и ряда монополистических предприятий; морской министр Роберт Андерсон — крупный нефтяной делец, а министр авиации Гарольд Толбот занимает пост председателя правления большой авиационной компании и является членом финансового комитета автомобильной компании Крайслер.

Комментируя назначения новых министров, газета «Нью-Йорк пост» писала, что список членов правительства Эйзенхауэра напоминает «справочник фамилий руководителей американских корпораций».

Главный редактор К. СИМОНОВ.
Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ПОГОДИН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва 51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62; разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, К 4-01-88, внутренней жизни — К 4-08-89, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — К 0-75-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва, Цветной бульвар, 30.

Б01211.